

ЮРИЙ РУЖИЦКИЙ

МИССИЯ УДАР ХВОСТОМ

Юрий Ружицкий

Миссия "Удар хвостом"

«Автор»

2026

Ружицкий Ю.

Миссия "Удар хвостом" / Ю. Ружицкий — «Автор», 2026

Даниил Смоленский — гениальный изобретатель, но безнадёжно наивный парень. Он не разбирается в финансах, посредственно чатится с девушками и способен заблудиться в центре Москвы. Всемирный Рептилианский Совет, стремящийся к ликвидации человечества и установлению гегемонии обратной, полагает, что устранение такого простака, как Смоленский, и присвоение его разработки — задача из разряда простейших. Но когда эмиссары Совета прибывают в Москву в канун Нового года, выясняется, что за спиной Смоленского стоит загадочный и крайне могущественный инвестор с психопатическими наклонностями, который готов принять бой...

© Ружицкий Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Юрий Ружицкий Миссия "Удар хвостом"

Глава

МИССИЯ «УДАР ХВОСТОМ»

Пародийный роман

Глава 1
СОБРАНИЕ

3 декабря.

Цюрих, Готхардиттрассе, массивный дом в стиле брутализм. 16 часов 31 минута по местному времени.

Торопливо прыгая летними туфлями по снегу, Лавр одолел расстояние, разделявшее тёплый салон автомобиля и ещё более тёплый холл строгого здания, где проходили судьбоносные собрания Высшего Рептилианского Совета. Войдя, он коротко раскланялся со знакомыми, приехавшими на встречу раньше него и сдал в гардероб пушистую соболиную шубу. Гардеробщик — пожилой ящер по имени Якоб, имевший вид ничем не примечательного швейцарского бюргера, бережно расправил шубу ладонями в белых перчатках и, как показалось Лавру, ощерился в улыбке.

Лавр стыдливо отвернулся.

Он ненавидел зиму, снег и мороз — у него было скверное даже для рептилоида кровобращение. Когда все ходили в водолазках, Лавр носил куртку, а когда все надевали пальто, он был вынужден кутаться в шубы или шерстяные плащи до пят, иначе начинался озноб, а вместе с ознобом — морфинг: человеческие руки и ноги мутировали в мощные когтистые лапы, являлся гигантский хвост и увенчанный кожаными зубцами хребет вместо ровной спины, а лицо за считанные минуты обращалось в морду ящера, морщинистую и зубастую. Лавр находил свою морду довольно благородной, и клыки у него были ровные, в отличие от некоторых коллег, но этот истинный оскал было совершенно невозможно и недопустимо показывать людям.

Однажды Лавр поднял на Совете вопрос, почему они вообще, рискуя разоблачением, проводят зимние собрания в продрогшем и сером Цюрихе, который в декабре чуть живописнее каменоломни, а не, скажем, на Канарах или в Дубае? Вице-секретарь Клаус назидательно пояснил, что внезапное стечение множества влиятельных лиц на Канары вызовет слухи, а Дубай, дескать, «недостаточно гармоничен для продуктивного размышления». Швейцария же — место, к которому сильные мира сего прилипли уже два века назад, как мухи к леденцу. А уж зимой, когда полагается плавно покачивать ногами, стоя на горных лыжах, нигде не проще мимоходом порулить судьбами, чем здесь. Всё это говорилось с таким пафосом, будто Клаус, во-первых, никогда в своей жизни не лгал, а, во-вторых, держал Лавра за человека.

Не то чтобы Лавр любил Дубай — этот большой магазин, притворяющийся городом — но в данном случае вице-секретарь кривил своей желтоглазой душой. У Клауса, равно как и у Первого Когтя, Господина Секретаря, был в Швейцарии личный интересик — оба владели в долине Боденского озера средневековыми замками, отреставрированными и вылизанными по последней моде. Именно там, в замке, среди мозаичных полов, стрельчатых окон с непрозрачными зеркальными стёклами и высоченных арочных сводов Клаус принимал настоящее обличье ящера и предавался продуктивному размышлению. Попутно пугая своим видом призраков прежних владельцев.

Лавр и большинство членов Совета были подобной роскоши лишены, хотя их и приглашали после собраний в недвижимость трубой пониже — высеченную в скале гостевую усадьбу эксцентричного банкира Меринга, очень удобную благодаря своей уединённости и приватности. Ушёл вглубь скалы, включил глушилку для дронов — и правду о том, кем в действительности являются всеми уважаемые люди, узнают лишь горные орлы. Но орлы умеют хранить тайну об увиденном — потому-то они заслуженно восседают на гербах столь многих государств.

Миновав холл, Лавр завернул в бар-ресторан, который вернее было бы именовать буфетом — официантов там не имелось, а блюда, предлагаемые гостям, не дотягивали до уровня средней швейцарской кухарки. Лавр не считал себя гурманом, но толк в стряпне понимал и в обычный день прошёл бы мимо помещения с заветренными сэндвичами и пресной пастой. Но он продрог, а в этом состоянии Лавр утрачивал дисциплину. Зайдя, он попросил у бармена только горячий чёрный кофе, самого большого объёма — и перед ним поставили здоровенную чашку, напоминающую сосуд с нефтью. Схватив чашку двумя руками, Лавр сделал глубокий глоток и почувствовал, как на сердце разливается благодать.

Барменом был молодой парень по имени Макс — тоже, разумеется, ящер, на публике же обычный белобрысый дылда ростом метр девяносто пять. Макс был занудой и, как свойственно таким персонажам, очень любил поговорить — отказать ему в этом не было никакой возможности, поскольку он при этом являлся племянником Клауса.

— Как ваше путешествие, уважаемый Лавр? — спросил Макс, смотря не прямо на собеседника, а почему-то в район макушки, будто на голову Лавра села воображаемая сова.

— Спасибо, Макс, нельзя пожаловаться, — солгал Лавр, которому было на что пожаловаться, но не хотелось подбрасывать темы для продолжения беседы.

— А как ваша работа, уважаемый Лавр? Всё ли благополучно? — уточнил Макс, продолжая выжигать взглядом плешь на голове Лавра.

— Работаем понемногу. Укрепляем наши позиции и ослабляем людей. Всё как всегда, — ответил Лавр, стараясь пить кофе с ускорением.

— Я так мечтаю, что однажды наступит день, когда я сяду рядом с вами в Совете! — с чувством произнёс Макс. — Вы достигли таких успехов в подрыве человеческих устоев, особенно европейских устоев! Чего стоит только перевод французов и испанцев на фастфуд. Никто не верил, что вы сумеете сделать треть парижан больными ожирением, но вы... вы... Я восхищаюсь вами!

«День, когда этот кудлатый дурачок сядет со мной в Совете, станет днём, когда люди начнут брать верх», — подумал Лавр, но вслух вежливо произнёс:

— Благодарю, благодарю.

Кофе в чашке всё не кончался, и Макс продолжал:

— А скажите, правда ли, что благодаря новому пищевому пластику количество здоровых половых клеток у мужчин будет сокращаться вдвое каждое новое поколение?

— Правда, — признался Лавр не без гордости, — в некоторых азиатских мегаполисах четверть мужчин уже бесплодна.

— Вы — гений, Лавр. Скушайте ещё творожный кекс, очень вас прошу.

Лавр деликатно отказался от столь прозрачного предложения продолжить беседу и, сделав опасно огромный последний глоток (кофе едва не брызнул через ноздри), поставил пустую чашку на стойку.

— Нескучного вам вечера, юноша. Спасибо за кофе и высокую оценку моих скромных усилий.

Макс просиял, как школьник, и прибавил:

— Я всегда говорю дяде Клаусу, что вы самый талантливый член Совета.

Лавр, уже занёсший ногу, чтобы сделать шаг в сторону, наострил уши:

— А что говорит обо мне дядя... эээ... господин вице-секретарь?

— Сейчас вспомню, — лицо Макса сморщилось в вопросительный знак. Он думал так долго и так мучительно, словно, выражаясь компьютерной терминологией, в его голове был не кремниевый транзистор, а набор перфокарт. — Дядя Клаус сказал про ваш талант: «Хм. Может быть». Да, именно так он и сказал!

«Если на детях великих природа отдыхает, то племянников она просто подвергает лоботомии. Равновесие!» — подумал Лавр.

— Далеко пойдёте, юноша! — бодро сказал он Макс, не уточнив, впрочем, конкретное направление.

Время собрания близилось, и рептилоиды из всех уголков холла устремились в бархатный зал — просторное помещение без окон, разделённое на индивидуальные кабинки. В кабинке полагалось сбросить человеческую одежду, принять за отведённые для этого пять минут облик ящера и надеть блестящий галстук с горизонтальными полосками — знаками отличия и старшинства. У младших членов Совета было по три-четыре полоски, у Лавра и ещё нескольких деятелей — восемь, у вице-секретаря Клауса — десять и, наконец, у Первого Когтя, господина Секретаря — двенадцать.

Кабинки были изолированы одна от другой высокими перегородками, чтобы пикантный процесс морфинга не был виден остальным членам Совета, полы же в зале были устланы синим узорчатым бархатом. Корни этого странного дизайнерского решения уходили вглубь девятнадцатого века, но Лавр слышал, что бархат должен подчёркивать торжественность всех проис-

ходящих в здании событий — ведь стоило выложить помещение плиткой, и вот уже оно мало чем отличается от раздевалки в спортзале.

Заняв кабинку, Лавр первым делом вытащил из внутреннего кармана пиджака блокнот с тезисами своего выступления и положил его на пол, а уж затем начал перевоплощаться. Блокнот нельзя было забыть в кабинке — Лавр несколько стеснялся публичности и выступать без плана никак не мог. Открыв рот и потеряв мысль, он обычно уже не мог поймать её опять за хвост, краснел, начинал молотить чепуху и полностью терял самообладание. Не лучше было и написать полностью готовую речь — тогда Лавр в буквальном смысле не мог оторвать глаза от листа бумаги. Но тезисы для его публичной натуры заходили хорошо: с блокнотом в руке Лавр держался к Цицерону гораздо ближе, чем к Герасиму.

Морфинг дался Лавру без особого труда: он только раз громко вскрикнул, когда ноги, быстро расширившись, превратились в задние лапы. Некоторым соседям процесс нравился меньше — кто-то из ящеров в дальней кабинке взревел раза три, а под конец едва не выбил дверь выскочившим из тела огромным хвостом. Отдышавшись и натянув пиджак, Лавр бережно достал из шкафчика блестящий, переливавшийся на свету галстук с восемью полосками. Завязав его на мощной, бугристой шее виндзорским узлом, Лавр с любовью разгладил этот заслуженный кусочек ткани. Затем он поглядел на отражение в зеркале — ровно ли откалиброван галстук, точно ли на девяносто градусов вниз смотрит его кончик?

Ещё оставалось немного времени, и Лавр наспех заглянул в блокнот, чтобы придать себе уверенности.

Затем ударил гонг, созывающий ящеров на главное собрание, венчающее уходящий год.

В неярко освещённом зале собраний (лёгкий сумрак подчёркивал тайную природу власти и могущества рептилоидов) за длинным столом высились стулья с резными спинками — массивные, привинченные к полу. Во главе стола, на полметра выше прочих, царило кресло Первого Когтя, Господина Секретаря, украшенное вензелем. В глубине зала негромко потрескивал большой камин: очаг был электрическим, но жар источал по-настоящему, как от лесного пожара — ящеры боялись холода. Окон не было — вместо них ниши в стенах занимали двойные портреты известных исторических деятелей: правая половина каждого портрета изображала человеческую сущность субъекта, левая половина — рептилианскую.

Все расселись и в почтительном ожидании повернули головы в направлении руководящего кресла. Господин Секретарь подался вперёд и, хотя никто не смел нарушать тишину, трижды громко постучал длинным когтем по красному дереву.

Собрание началось.

— Не в моих правилах зачитывать победные религии, но, признаюсь вам, этот год — особенный, — низким, величавым голосом начал Господин Секретарь. — Коллапс человечества,

который приближали поколения наших братьев, ещё никогда не был столь близок и столь осязаем. Распад человеческой культуры, стагнация экономики, постепенная гибель ареала обитания — теперь уже не планы, а совершающиеся или почти свершившиеся факты. Каждый из присутствующих в зале приложил к этому лапу. Мы ценим усилия каждого.

Первый Коготь чуть наклонил голову в знак благодарности. Со стороны кресел раздалось приглушённое довольное урчание.

— Хотелось бы особо отметить важные достижения в трёх областях — распространении психических расстройств среди молодёжи, росте недоступности недвижимости и прививании людям безумных потребительских привычек. Предлагаю послушать трёх докладчиков — как водится, честь рассказать об успехах принадлежит творцам этих успехов. Господин Эрвин, вам слово. Прошу уложиться в пятнадцать минут: помните, что краткость — сестра таланта.

С места поднялся Эрвин — ящер с кривыми зубами, но в остальном очень дельной головой. Специализацией Эрвина было понижение интеллекта человечества и создание среди людей массовых психозов.

— Все крупные изобретения, входящие в повседневную жизнь, приносят, помимо пользы, и несомненный вред. Как правило, чем больше практическая, материальная выгода, тем больший духовный, нематериальный вред следует чуть погодя, — начал Эрвин. Он взмахнул лапой, указывая на экран, дотоле дремавший на стене. Экран зажёгся бело-синим светом, выросли графики, устремились вверх и вниз цветные линии. — Когда впервые появились социальные сети и приложения для знакомств, мы понимали их не лучше людей и, соответственно, работали с ними, как динозавры.

Члены Совета оценили каламбур, сдержанно посмеявшись.

— Как сейчас помню, в 2005 году моя команда создавала в приложении для знакомств липовые профили блондинок и писала с них женатым мужчинам, а спустя время подсчитывала, вырос ли процент расторжений брака в этой группе мужчин. Рост был, примерно на полтора процента. И это называлось работой с социальными сетями, Совет даже отметил наши усилия. С высоты сегодняшнего дня это выглядит школьными пакостями, но эти опыты нас многому научили. Теперь мы располагаем огромной армией ботов в каждой популярной социальной сети, в каждом популярном приложении для знакомств, а также созданными при помощи ИИ профилями молодых людей — у них десятки тысяч подписчиков, прекрасные фотографии, идеальные тела, остроумный контент. Они даже записывают видео для подписчиков. Вот только этих людей не существует — всё, от тел до текстов, сгенерировано нашими программами.

На экране появились видео улыбающихся парней и девушек с превосходными внешними данными. Эрвин провёл рукой перед собой — курсор на экране повторил его движение, остановившись на блондинке лет девятнадцати в коротком платье, с белоснежными зубами и такой преогромной грудью, что оборона прикрывавшего её текстиля могла быть в любую секунду прорвана.

— Давайте ткнём вот в эту красавицу, — предложил Эрвин.

Изображение девушки увеличилось и вышло на первый план, заняв весь экран. Грудь превратилась в реальную угрозу, нависшую над залом заседаний.

— Зовут этого бота «Софи», ей 19 с половиной лет. Она пишет про себя, что обладает шестым размером груди, ростом метр семьдесят восемь сантиметров, зарабатывает пятнадцать тысяч долларов в месяц и ищет достойного парня. Каждый день «Софи» выкладывает на сайт свежие фотографии и описывает, как наслаждается жизнью. Недавние её истории сосредоточились на теме крохотных заработков мужчин до 35 лет и её презрении к маменькиным сынкам, живущим с родителями. «Если бы я была нищим парнем, мне было бы стыдно выйти на улицу, а не то что подкатывать к девушке», — пишет она. Далее фотографии и видеоролики из Парижа, с Ибицы, с борта яхты — полный набор абсолютно неправдоподобной чепухи — но «Софи» повторяет, что так живут все нормальные девушки из её окружения. И у нас в этой социальной сети несколько десятков тысяч таких профилей. Все, как на подбор, из простых семей, все выглядят на девять и десять баллов и все зарабатывают на удалёнке и в свободное от учёбы время по десять-двадцать тысяч долларов в месяц...

В зале заверещали, кто-то даже хрюкнул от смеха.

— Казалось бы, любому вменяемому человеку, не говоря уже о рептилоидах, должно быть ясно, что это развод, — улыбнулся Эрвин. — Но когда такие профили в Сети повсеместно, когда они френдят друг друга и отвечают друг другу на сообщения, начинается удивительная цепная реакция. Совершенно нормальные молодые люди, которые при других обстоятельствах были бы счастливы иметь пятьдесят долларов в кармане, стакан сока и подружку, с которой можно пойти в кино, начинают сходить с ума от собственной неполноценности и депрессии. "Софи" и другие боты старательно укрепляют в подписчиках это чувство, отве-

чая грубыми отказами на предложения о встрече, постоянно плавно поднимая планку роскоши, которую они считают естественной, а также выбирая наиболее унижительные для противоположного пола формы самовыражения. Итог — из двенадцати тысяч молодых подписчиков "Софи" менее одного процента нашли за последний год постоянную партнёршу, более трети страдают тем или иным психическим расстройством, а некоторые, судя по их историям, даже не выходят из дома и окончательно опустили руки, отчаявшись кого-либо найти!

Раздался гром аплодисментов. Лавр уважительно похлопал вместе со всеми.

— Причём, заметьте, — закончил Эрвин, — значительная часть эффекта достигнута благодаря самому эффективному в природе методу внушения — самовнушению. На продвинутой стадии депрессии все эти молодые люди повторяют себе, что проблема и вина исключительно в них самих — они убедили сами себя, что хронически мало зарабатывают, плохо выглядят и не умеют общаться. Три-четыре года в подобном состоянии самобичевания — и ущерб, нанесённый личности, становится необратимым. Как показывает статистика, такие молодые люди уже никогда не реализуют себя в обществе!

Аплодисменты грянули с удвоенной силой, послышались крики "Браво!", "Превосходно!"

— Благодарю вас от лица всего Совета, господин Эрвин, — слегка наклонил голову Первый Коготь.

Эрвин раскланялся направо и налево, как дирижёр после бенефиса, и присел на своё место.

— Теперь послушаем господина Рейна, — предложил Секретарь. — Сводки из мира недвижимости на редкость благоприятные. С каждым днём всё радостнее осознавать, что мы не люди и не должны ютиться в пенах, как уже делают жители Азии и вскоре будут многие другие.

«Вам ли не знать, обладатель собственного замка», — ехидно подумал Лавр.

Поднялся с места холёный, прилизанный ящер с девятью респектабельными полосками на галстуке — господин Рейн. Лавр не любил Рейна — тот был несомненным профи, но по мере карьерного роста тщеславия в нём становилось всё больше, а чувства юмора и простоты всё меньше, так что на всех членов Совета, кроме Первого Когтя и вице-секретаря, Рейн смотрел свысока. Лавр не сомневался, что в день получения заветной десятой полоски Рейн просто лопнет от самодовольства, а из его остатков, забрызгавших стены, можно будет отжать эликсир гордости для всяких человековредительских целей.

— Для результативной работы всегда полезен ясный план, — важно сказал Рейн, глядя на Секретаря и только на него. — В строительном секторе, который я имею честь курировать, каждый день только и видишь цифры, цены, графики, площади. Для любителя статистики — это элизиум. Для практика же это отчаяние. Совет ставит перед моим отделом задачу — добиться устойчивого снижения рождаемости и деформировать социальные связи в человеческом обществе. Но как это реализовать, используя доступный мне массив информации?

На экране появился график, состоящий из трёх цветных линий — все три, хотя и с разной амплитудой, гнулись вниз.

— Когда я пришёл в отдел, там оперировали одним показателем — нормой жилой площади на человека. Не секрет, что чем она ниже, тем ниже, в среднем, рождаемость. И, наоборот — чем больше жилья приходится на человека, тем больше отпрысков он может произвести. Хотя бы уж потому, что их есть где разместить. Но вот так просто, линейно, это не работает. Есть бедные страны, где люди ютятся в каморках с семьёй детьми, и есть богатые страны, где у каждого второго свой дом, а уровень естественного воспроизводства не достигается. Тогда мы устроили мозговой штурм и вывели дополнительные закономерности. Теперь у нас метод, работающий надёжно, как швейцарские часы — мы добавили к графику жилой площади гра-

фик регулярности духовных практик и график уровня тестостерона у мужчин. Соединили их вместе, привели к общему знаменателю, и вуаля!

Трёхглавый график на стене слился в один.

— После такого уточнения понимать результаты работы стало гораздо проще. И цель тоже стала ясной и определённой — добиваться, чтобы люди жили теснее, циничнее и стерильнее! С этого момента...

С этого момента Лавр перестал внимательно слушать Рейна и погрузился в свои мысли. Во-первых, Лавр подучивал тезисы своего выступления, заглядывая в блокнот, а, во-вторых, Рейн имел несколько гнусавый голос и тенденцию повышать его к середине предложения, так что его фразы приходили и уходили, как фуги Баха, оставляя слушателя в полугипнотическом состоянии. Вдобавок Рейн был слегка простужен и через равные промежутки времени шмыгал носом, так что, если отвлечься от слов, получалось полноценное музыкальное произведение. Как и всякая музыка, эта была на любителя.

Совет реагировал на выступление Рейна куда более вяло, чем на первого оратора. "Каким бы организованным ни было дело, огромную важность играет фигура лидера. Лидером должен быть харизматик, у которого за личиной скрывается личность. У некоторых же за откормленной мордой скрывается только второй подбородок. Вот поэтому вам, уважаемый Рейн, никогда не возглавить Совет", — подумал Лавр, присоединяясь к жидким аплодисментам.

— А теперь послушаем, как деформируются человеческие привычки. Деформируются, конечно, не сами по себе. Сами по себе даже звёзды не светят, — проговорил Первый Коготь. — Вам слово, господин Лавр.

Лавр встал, зажав в левой лапе блокнот, и приветствовал Совет лёгким поклоном.

— Начну с того, что привычки, связанные с едой, одеждой и потреблением вообще, не так-то просто менять. Люди едят каждый день — и хотя они желают есть всё слаще, больше, вкуснее, нельзя просто взять и подсунуть человеку засахаренную жабу. Имеются в виду обычные люди, мы не берём в расчёт французов, — в Совете появились улыбки, и ободрённый Лавр продолжил.

— Для того, чтобы превратить человека в существо с дурными привычками, необходимо сперва ввести соответствующую моду. Управлять модой сложно. У неё есть только два правила — новое поколение людей всегда хочет поступать вопреки поколению предыдущему: одеваться коротко, если родители одевались длинно, бриться наголо, если родители носили бороды, выглядеть неряшливо, если родители стремились к аккуратности, и второе правило — шокировать общество хотя бы в какой-то мелочи. Ввести моду на искусственное мясо — выращенную в лаборатории из стволовых клеток говядину — мы так и не смогли, хотя нанятые нами звёзды шоу-бизнеса умоляли пожалеть коров. Слишком это мясо было дорогим и, если честно, зоозащитников среди людей оказалось меньше чревоугодников. Но мы добились успеха, введя в Латинской Америке и Азии моду на другую гадость!

Лавр указал на экран, и стену заполонили яркие, соблазнительные этикетки.

— Чипсы из тараканов! Маринованные гусеницы! Стейки из прессованных сверчков! Есть и товары для сладкоежек — карамель с сороконожкой, черви с мёдом и орехами, пастила с соком зелёных мух. Продажи год к году выросли в два раза, и мы смогли успешно продвинуться на европейский рынок, где раньше потребители воротили нос!

Совет встретил новость воодушевлёнными аплодисментами.

— На самом деле, производство курицы и индейки почти не вредит экологии, а выращивание рыбы и вовсе является экологически чистым. Но не в наших интересах, чтобы люди питались дёшево и правильно. Если уж они и едят мясо, это должно быть самое дорогое, недоступное и энергозатратное мясо. А лучше пусть вообще не едят мясо, а питаются эрзацем из насекомых — он не содержит необходимых аминокислот. А это значит, что люди будут слабыми, больными и, самое главное, униженными. Пройти за сто лет путь от Циолковского и Эйнштейна, от космоса и самолёта к похлёбке из червей и полному убеждению, что это и есть счастье — вот что в наших интересах! Человечество должно быть убогим, морально разбитым и переходящим на подножный корм во всех смыслах!

Зал Совета взорвался овацией. "Да!" "Правильно!" "Расплющим их!" — раздались одобрителные выкрики со всех сторон.

— Мы также активно работаем над демографической ситуацией, только иначе, чем коллеги. Про наши успехи в повсеместном внедрении микропластика Совету известно. Про то, как мы запустили эпидемию ожирения, вам известно также. Но есть и дополнительный способ сделать людей уродливыми и отталкивающими для противоположного пола — одеть их в

неприятные, некрасивые вещи. Мы полагаем, что рекордные цифры рождаемости, достигнутые в мире в 50-е годы двадцатого века и повторно — уже в этом столетии в конце нулевых, в значительной степени заслуга не экономики, а моды. Взгляните на моду 50-х годов.

На экране появились стройные парни в элегантных костюмах и девушки в светлых платьях, которые нельзя было назвать ни слишком длинными ни слишком короткими.

— А вот мода конца нулевых. Тоже небезынтересно. Чтобы носить эти вещи, требовалось поддерживать хорошую физическую форму.

Вспыхнули кадры с облегающими джинсами, короткими куртками и футболками-поло.

— Такая мода нам не нужна. Гораздо полезнее для наших целей современный вариант. Прошу взглянуть.

По очереди поплыли по экрану укороченные мужские брючки, мешковатые женские балахоны, куртки неопределенной формы, штаны для женщин, напоминающие рабочую форму сантехника.

— Это намного лучше! — сказал Лавр. — Не возбуждает даже при близком контакте. Ведь под такой одеждой не разглядеть и хорошее тело.

Ящеры довольно заурчали.

— Но мы не были бы последовательны, остановившись на этом. Истинное доминирование достигается через унижение. Мы не только вводим среди людей моду на уродливое потребление, мы должны ещё и ограничить это потребление под предлогом заботы о природе и ограниченных ресурсах планеты. В ближайшем феврале в Париже состоится международный Форум рационального развития. Основная программа Форума, разработанная мною — переход к экономному использованию еды, одежды и предметов интерьера. — Мы утвердим стратегию перехода к экологичному потреблению одежды. Больше никаких модных коллекций каждый сезон! Квоты на одежду для каждого европейца! Не более двух пар джинсов в год, не более трёх платьев в год, один костюм в год, пять пар нижнего белья в год!

Ящеры зааплодировали.

— Если быть откровенным, пять пар — это щедро, здесь я внёс правки. Довольно и четырёх пар нижнего белья в год, по одной на осень, зиму, весну и лето!

На экране появились четыре изображения трусов — оранжевые, с кленовыми листьями, белые, с морозными узорами, лиловые, с фигурой ласточки, и салатные.

— Одна пара белья со специальным дизайном для каждого сезона — на эту приманку хорошо клюнут модные дома Парижа и Милана. Признаюсь вам не без толики тщеславия — дизайн прототипов разрабатывал я сам. Ни один уголок человеческой души и тела не остался без внимания!

На экране завертелись по часовой стрелке прототипы дизайнерских трусов, разработанных Лавром. Совет отреагировал громким хохотом, а затем аплодисментами. Сдержанно хлопал даже Первый Коготь, который обычно не давал волю эмоциям.

"Вот это успех", — подумал про себя Лавр.

— Благодарю, уважаемый Лавр. Совет принял решение отметить ваши усилия и представить вас весной к повышению. Вы и ещё один член Совета, по нашему мнению, заслужили галстук с девятью полосами.

— Пусть торжествует ящер! Клянусь хвостом! — прокричал Лавр стандартную клятву.

Первый Коготь удовлетворённо кивнул, а затем перевёл глаза на Совет и другим, гораздо более суровым тоном, произнёс:

— Среди нас есть тот, кто не сдержал клятву. Среди нас есть тот, кто подорвал авторитет Совета и отдалил торжество ящера. Среди нас есть предатель.

ГЛАВА 2 ЭКЗЕКУЦИЯ

Напряжённое, грозное молчание повисло над залом собраний. Воздух сгустился так, что, если бы в зал залетела неизвестно откуда взявшаяся декабрьская муха, она бы обломала себе крылья. Вице-секретарь Клаус переводил тяжёлый взгляд с одного члена Совета на другого, задерживаясь на две-три секунды на каждой морде. Задержался он и на Лавре. Не зная за собой провинности, заслуживающей немедленной расправы, Лавр, тем не менее, опустил глаза и стал изучать занятую текстуру стола из красного дерева.

— Прежде, чем мы перейдём к тяжкой необходимости, предлагаю каждому сидящему в зале подумать о том, какими действиями он ослабил Совет и общее дело за прошедший год. Могу вас уверить, мы в курсе многих прегрешений, которые вы ошибочно считаете надёжно сокрытыми, — пророкотал Первый Коготь ледяным голосом.

Лавр несколько раз быстро моргнул. Прегрешения были, разумеется, и у него, даже много. В начале года он несколько раз пульнул себе в карман командировочные: запросив трансокеанские перелёты бизнес-классом и отчитавшись о них в бухгалтерию, в действительности он летал экономом, своевременно обменяв билеты. Общим счётом к его лапам так прилипло двадцать пять тысяч долларов. Потом была совершенно постыдная история в Майами — хуже, чем постыдная, сущее мальчишество — находясь во Флориде с официальным визитом, он не удержался, прокрался ночью в зоопарк и выпустил на волю крокодилов, игуан и аллигаторов. Всё в итоге сошло гладко, но если бы Лавр был схвачен, замять скандал такого масштаба нельзя было бы и катком.

Была ещё третья история — длящаяся годами и не думавшая заканчиваться ни в каком обозримом будущем. Лавр держал для нужд своего отдела огромную чёрную кассу. Для расчётов с подрядчиками, помощниками, тихими канцелярскими мздоимцами, пиарщиками и прочей вечно голодной братией каждый день требовались деньги. Иногда срочно и всегда — больше, чем он мог документально обосновать. Бухгалтерия Совета, между тем, требовала бумажку под каждый расход свыше пятнадцати долларов. Если фискального чека, договора или квитанции не имелось, Лавр был обязан катать длиннейшие бесполезные объяснительные. Стоило его отделу внезапно потратить больше, чем в предыдущий квартал, бухгалтерия срывала телефон и угрожала перекрыть кислород, невзирая на последствия. Устав от войны с крохоборами, Лавр организовал в Лондоне форум «Неустойчивое будущее» и заманил на него спикерами нобелевских лауреатов, которые убедительно запугали собравшихся воротил бизнеса картинами неустойчивого будущего. Затем Лавр в частном порядке разослал состоятельным посетителям требование — скинуться для приближения лучшего завтра. Сборы превзошли все ожидания. Определив круг самых внушаемых миллионеров, в дальнейшем он сделал подобные поборы правилом, перейдя от просьб к мягкому рэкету, и постепенно избавился от финансовой зависимости перед Советом, отправляя в бухгалтерию только необходимые нало-

говые и зарплатные ведомости. Без чёрной кассы серьёзная оперативная работа немедленно бы встала и завязла в бесконечной бюрократии, но само существование параллельной бухгалтерии было, разумеется, вопиющим коррупционным нарушением и уязвимостью. Личная скромность Лавра, который жил в маленьком домике и добирался на работу, самолично управляя пятилетним «Ауди», могла послужить ему прикрытием только до тех пор, пока никто не догадался заглянуть в книгу приходов и расходов. Масштаб нелегальных сумм, записанных в этой невинной синей книжечке, был таков, что если руководствоваться, скажем, китайским уголовным кодексом, Лавра можно было бы расстрелять, затем отряхнуть, поставить на ноги и расстрелять ещё раз.

Первый Коготь прервал тишину, грозно постучав по дереву:

— Вице-секретарь, огласите для Совета правило 11.12 Дисциплинарного устава.

Клаус кивнул и отдельно, с металлом в голосе произнёс:

— Соккрытие информации, непосредственно угрожающей безопасности Совета или мирному существованию ящеров, а равно непринятие своевременных мер по устранению угрозы, если такие меры могли быть предприняты, карается бессрочным исключением из Совета с нанесением клейма на затылок либо смертной казнью через отрубание хвоста.

Лавр похолодел, хотя в зале было жарко натоплено. Дело явно было не в деньгах — кто-то прокололся много серьёзнее. Справа и слева донеслись прерывистые испуганные вздохи.

Вслед за этим с отвратительным лязгом открылись щели в полу, находившиеся позади стульев, и из них вылетели широкие острые лезвия. Лезвия остановились в паре сантиметров под хвостами каждого из сидящих в зале — кроме Первого Когтя и вице-секретаря.

— Не совершайте резких движений, — напомнил Клаус. — При попытке встать и освободить хвост лезвие взлетит автоматически. Мы бы не хотели преждевременно лишиться компании некоторых членов Совета.

Лавр облизал губы. Лезвие не коснулось его хвоста, но он ощущал фантомное щекотание в районе всего своего огузка, даже там, где никогда ничего не чесалось. «А что, если именно под моим стулом бракованный механизм?», — нервно подумал он, стараясь сидеть неподвижно, как статуя Родена.

— Трусость и безответственность — привилегии простолюдинов, — сказал Первый Коготь. — От членов Совета мы ожидаем и требуем храбрости и предприимчивости.

После этих слов слева от Лавра, буквально через один стул, раздались всхлипы. Лавр повернул голову — и увидел содрогающуюся в рыданиях фигуру Камбиза, ящера, направленного работать в Москву. Он был одним из самых тихих членов Совета, и Лавр ещё при назначении Камбиза удивлялся, почему такую посредственную во всех отношениях фигуру поставили на столь беспокойный участок.

— Мы стали свидетелями запоздалого раскаяния, не так ли, господин Камбиз? — холодно спросил Секретарь.

— Я... я не смог правильно оценить обстановку, — ответил Камбиз, утирая лапой нос, давший обильную течь. — Сказалось отсутствие технических знаний!

— Не нужно обладать продвинутыми познаниями в технике, чтобы различить опасность в столь очевидном деле, — отрезал Первый Коготь. — Кроме того, при наличии сомнений вы всегда могли обратиться за разъяснениями к Совету. Как вам известно, у нас имеется превосходный технический департамент.

— Прошу дать мне возможность объясниться... Господин Секретарь, я всё могу объяснить, — всхлипывая, как заправская плакальщица, прогудел Камбиз.

— Сперва, я полагаю, Совет интересуется узнать, что же именно произошло, — подал голос Клаус.

Первый Коготь кивнул, и Клаус, получив одобрение, сжато рассказал суть дела:

— В июне сего года в Москве IT-компанией «Тенталис» был представлен новый проект добавленной реальности. Загрузив в программу фотографии и видеозаписи родных, друзей или умерших любимых, а также надев очки и костюм добавленной реальности, каждый желающий может оказаться вновь в компании дорогих его сердцу людей, обнять их и пообщаться с ними. Программа анализирует поведение людей, их жесты, мимику, словарный запас и весьма убедительно воспроизводит их в добавленной реальности.

На экране заиграл рекламный тизер компании «Тенталис» — мужчина с лицом, вобравшим всю грусть этого мира, надевал широкие тёмные очки и сенсорный костюм, после чего реальность вспыхивала яркими красками — сперва появились друзья детства, одетые в футболки цветов тропических попугаев, затем в кадр вошла первая любовь в венчике из васильков и, наконец, прибежала давно почившая тётя, грозящая пальцем со словами: «Ты надел шапку? На улице мороз!» Далее шла музыкальная отбивка из трёх аккордов и предложение сделать предзаказ по сниженной цене, а также дата релиза — 1 апреля следующего года.

— Уже в этот момент следовало насторожиться, — продолжил Клаус, — поскольку подобные проекты, явно улучшающие жизнь и психическое состояние людей, не в наших интересах. Но дальше произошло следующее — в августе «Тенталис» негласно начал работать над революционным обновлением, позволяющим пользователям, в состоянии управляемого гипноза, загружать в программу воспоминания и повторно проживать лучшие моменты жизни — программа дорисует людей из воспоминаний, места, диалоги. Конечно, графика пока слабовата, и нельзя добиться некоторых чувственных аналогий (например, воспроизвести ощущения от секса), но в остальном ожидается фурор. Если программа выйдет удачной, «Тенталис» вправе рассчитывать 1 апреля на успех столь сногшибательный, какого мир не видел со времён презентации первого айфона.

— При погружении рептилоида в состояние управляемого сна произойдёт высвобождение визуальных образов ящеров. Программа «Тенталиса» дорисует нашу память и наше окружение такими, каковы они есть, а не такими, какими мы хотим их представить, — мрачно резюмировал Первый Коготь. — А поскольку программа будет вездесущей, избежать её применения будет нельзя. Мир увидит ящеров. Последствия такого поворота событий просчитать невозможно, но они, во всяком случае, будут катастрофическими. Вина господина Камбиза состоит в том, что он бездействовал, проигнорировав поступающие ему сообщения о разработках «Тенталиса», и скрыл от Совета жизненно важную информацию. В составленных им отчётах не содержится никаких соображений на этот счёт. В итоге в ноябре мы получили доклад о «Тенталисе» из совершенно другого источника — к этому времени были потеряны четыре драгоценных месяца. Не считая того, что за эти месяцы «Тенталис» значительно продвинулся в разработке опасной программы, сотрудники компании могли продать секреты налево, и сейчас неизвестная нам команда программистов в Штатах, Китае, Индии — или даже не одна — может заниматься созданием аналога. Между тем, ничего подобного никогда бы не случилось, если бы господин Камбиз проявил должную осмотрительность.

— Господин Секретарь, я не отрицаю, что проявил глупость! — дрожащим голосом сказал Камбиз. — Но не позволяйте одной глупости перечеркнуть все мои прошлые заслуги перед Советом! Я прошу о снисхождении.

— Вы будете наказаны не за глупость, господин Камбиз. Глупость — не преступление, хотя глупцам не место в Совете. Ваше преступление состоит в молчании. Вам был дан ответственный участок, чтобы вы были глазами и ушами Совета. Вы провалились.

Первый Коготь дал Клаусу знак, подняв левую лапу, и вице-секретарь сурово изрёк:

— За преступное бездействие и сокрытие информации, угрожающей безопасности Совета, руководствуясь правилом 11.12 Дисциплинарного устава, господин Камбиз приговаривается к смертной казни через отрубание хвоста.

В следующее мгновение взлетело лезвие.

Раздался сочный звук, будто топором разрубили свеклу, а затем крик.

Лавру на секунду поплохело, и зал Совета поплыл перед глазами, точно в жарком мареве, но затем он взял себя в лапы и посмотрел налево.

Камбиз сполз на пол и трепыхался там в агонии, пытаясь слишком короткими для этого лапами прикрыть нижнюю часть хребта. Оттуда толчками хлестала кровь. Огромный хвост Камбиза сиротливо лежал на полу, ровно отрубленный. Примерно минуту продолжалась борьба Камбиза с неизбежным — это сопровождалось жуткими вскриками и гримасами боли. Затем смерть победила, и всё стихло. Стало так безмолвно, что треск камина показался Лавру оглушительным.

Чуть погода открылись дальние двери зала, и вошли трое ящеров с носилками, ведром и шваброй. Двое положили тело Камбиза на носилки, небрежно кинули сверху хвост, точно мешок с картошкой, и понесли куда-то этот скорбный груз. Третий ящер молчаливо вытер пол,

старательно вычищая щели между мраморными плитами, выжал тряпку несколько раз в ведро, поклонился Совету и удалился.

— А теперь перейдём к организационным вопросам, — сказал Первый Коготь.

Лезвия вошли обратно в щели, стало можно шевелиться без опаски. Со всех сторон донеслись облегчённые вздохи.

— Прежде всего, надо устранить угрозу, — продолжил Секретарь. — «Тенталис» прекратит существование. У компании двое основателей — Даниил Смоленский и Максим Крылов — они же главные программисты и авторы разработки. Эти двое слишком талантливых двуногих должны исчезнуть до 1 апреля. Они будут объявлены мошенниками, присвоившими деньги с предзаказов. Распустим слухи, что они сделали пластические операции и скрылись с украденным в Африке.

Клаус бодро записал инструкции за Секретарём, а затем уточнил:

— Как быть с программой?

— Разумеется, публике будет объявлено, что её никогда и не существовало, а за рекламной кампанией скрывалась масштабная махинация. Не первый и не последний обман в сфере высоких технологий, — изрёк Первый Коготь. — Сама разработка, надо признать, недурна. Было бы жаль её уничтожить. Можно доработать программу самостоятельно и использовать в своих интересах. Вместо виртуальных встреч с друзьями и родными стоит предложить людям что-то другое... — Секретарь задумался.

— Встречи с виртуальной топ-моделью, — внезапно для самого себя подал голос Лавр. — Скомпилируем по фото и видеороликам девушку небывалых стандартов красоты, восемнадцати лет, с пятым размером груди и, самое главное, заинтересованную в собеседнике. Чтобы знала его имя, основную биографию и интересы. И будем взимать бешеную плату за час общения в виртуальном ресторане. Спрос будет таким, что треть мужчин оставит у нас всю зарплату! А на выходе — сплошная фрустрация и никакого удовлетворения, поскольку женщины в реальном мире, разумеется, этому уровню соответствовать не будут.

— Прекрасно, господин Лавр, — одобрил Первый Коготь.

«Вот это достижение. Личная похвала. И всё же — зачем я лезу вперёд? Можно было промолчать», — подумал Лавр. «Теперь, если разработка выйдет проблемной, мне предъявят счёт за плохую идею».

— Довольно быстро появятся конкуренты, — проскрипел Клаус, продолжая писать.

— Несомненно, — кивнул Первый Коготь. — У конкурентов, пытающихся создать аналоги, мы будем просто выкупать их стартапы. На какое-то время сохраним монополию. Главное — увести умы от идеи вводить людей в состояние управляемого сна. Личные воспоминания должны всегда принадлежать памяти, и только ей. Прочее — мелочи и рабочие вопросы.

— Есть ещё один момент, — Клаус повернулся в кресле, — у «Тенталиса» имеется загадочный венчурный инвестор. Разработка так и осталась бы мечтой двух программистов, если бы некий субъект не вложил в проект тридцать пять миллионов долларов. Уже полтора года он активно переводит криптовалюту на счета Смоленского и Крылова, предпочитая оставаться в тени.

— Кто этот инвестор? — спросил Первый Коготь.

— Мы смогли, с определённой долей допущения, связать криптокошелёк с тремя паспортами, которые засветились в Москве, Дубае и Бангалоре. Паспорта на разные имена, лица и даты рождения в документах не совпадают. При этом в базах данных пограничных служб сведения о пересечении границ указанными лицами отсутствуют или подтёрты.

Первый Коготь посмотрел на Клауса:

— Но тогда совершенно понятно, что...

— Мы тоже сперва подумали, что инвестор имеет дипломатический иммунитет либо речь о госструктуре, а вовсе не об одном человеке. Последнее, однако, странно. Это не их метод. Зачем инвестировать в кота в мешке, если можно дождаться, когда проект взлетит, и прийти за долей? Нет, это похоже на частную инициативу какого-то значительного лица.

— Влиятельный криптомиллиардер с несколькими паспортами? Это не может быть Сатоши Накамото? — задумчиво поскрёб по столу Первый Коготь. — После смерти Джобса это единственный человек, который заставляет меня ворочаться по ночам. Если, благодаря случаю, выйдем и на его след, это будет необыкновенной удачей.

— Если учесть, сколько известных программистов и кибернетиков имеют российское происхождение, не удивлюсь, если и Сатоши в их числе, — изрёк Клаус.

— Раз этот инвестор так вовлечён в проект «Тенталиса», он непременно проявит себя, если его любимому детищу будет грозить уничтожение. Нужна лишь команда профессионалов, чтобы накрыть его в Москве, — снова вмешался Лавр со своего места.

— Вы сегодня явно в ударе, господин Лавр. Поскольку вашу голову посещает столько светлых мыслей относительно угрожающего нам проекта, будет логично, если вы и займётесь

решением вопроса. А заодно возьмёте на себя московский участок — на ближайшие месяцы, пока мы ищем подходящую постоянную кандидатуру. Зимы на ликвидацию «Тенталиса» вам как раз должно хватить.

— Мне? — опешил Лавр. — Это большая честь, господин Секретарь, но...

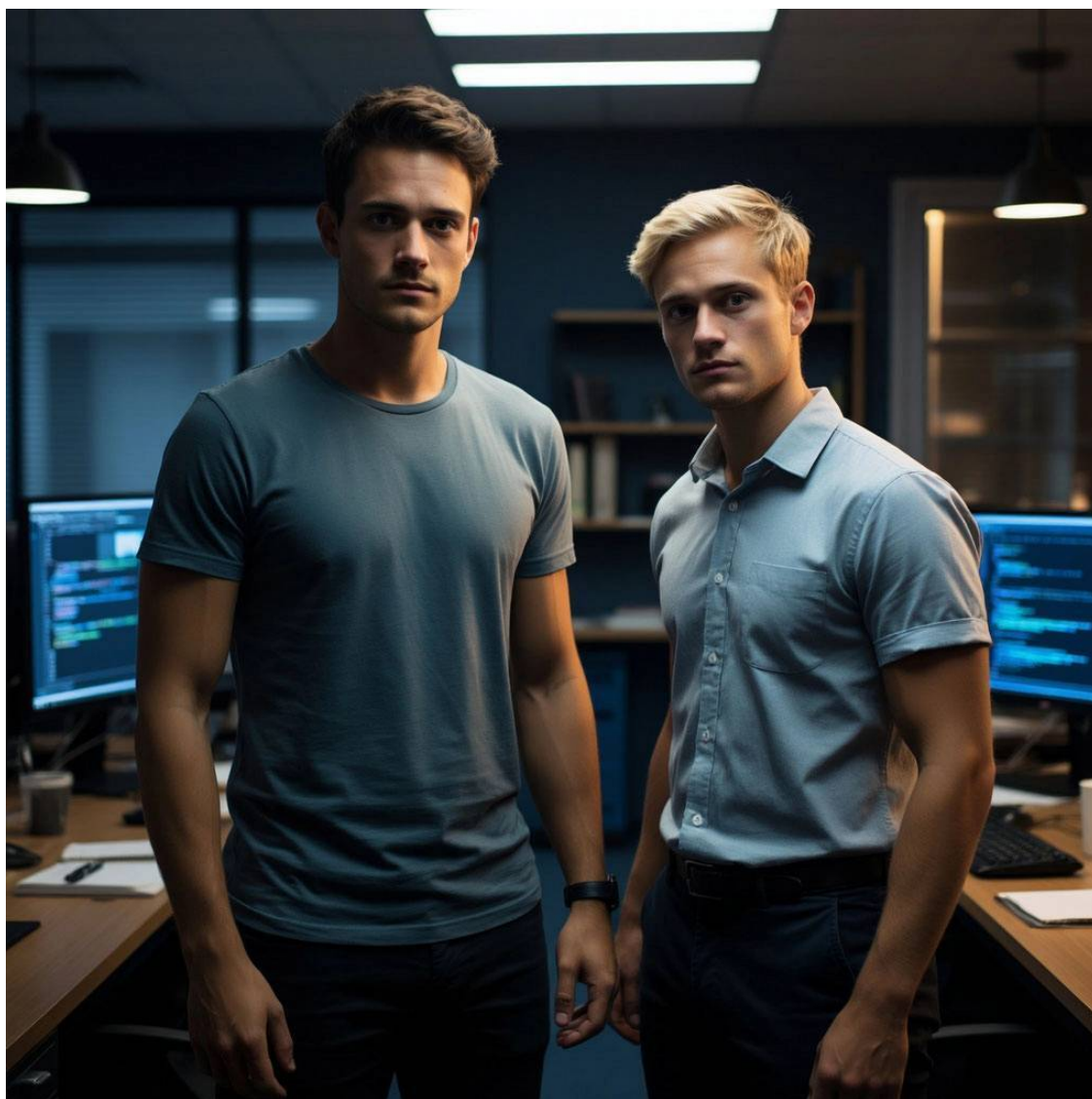
— Что вас смущает? Промышленность и технологии — как раз по вашей части.

— Пищевая и текстильная промышленность, господин Секретарь, — занервничал Лавр, — в программировании я смыслю не больше, чем чехол для ноутбука.

— Вам и не надо много понимать в программировании, — подал голос Клаус. — Всё, что требуется — ликвидировать двух человек и скопировать базу данных компании на несколько флэш-карт. Возможно, также потребуется вывезти сервер из офиса «Тенталиса» и погрузить его на чартерный борт.

Лавр заёрзал на месте. «Почему, при столь посредственных ораторских способностях, у меня такой длинный язык?» — подумал он сердито.

— Кроме того, взгляните на этих двоих, — Клаус указал лапой на экран, где немедленно появились фотографии довольно худосочных молодых людей: один стоял в мятой футболке, другой был метр с кепкой. Оба имели такой потерянный вид, словно не возглавляли IT-компанию, а забыли адрес курьерской доставки.

Несколько ящеров в зале фыркнули.

— Полагаю, господину Лавру пригодилась бы помощь одного из членов Совета, знакомого с искусством грубой силы, — сказал Секретарь. — Найдутся ли в зале желающие отметить в Москве Новый год и... кхм... собственноручно разлить красненькое?

— Я готов! — раздался бас с противоположной от Лавра стороны стола.

С места поднялся дюжий ящер, у которого на шее был не только галстук с восемью полосами, но и цепь из акулиных зубов толщиной в палец — отвечавшие за экзотические регионы члены Совета имели право ношения местных украшений. Этот ящер был из Африки.

— Превосходно, господин Мавр. Совету известна решительность, с которой вы мешаете развиваться сразу нескольким развивающимся государствам. Уверен, для вас эта поездка в Москву будет сродни отпуску, — кивнул Первый Коготь. — Если нужна дополнительная силовая поддержка...

— Не потребуется! Шейки таким задохликам я могу свернуть одной левой, — пробасил Мавр.

В подтверждение сказанного ящер взял со стола большой металлический степлер, зажал его в левой ладони и, не меняясь в морде, сдавил. Через секунду Мавр швырнул на середину стола искалеченную металлическую загогулину. Степлер был почти свёрнут в бублик.

— В таком случае, первую часть собрания полагаю считать оконченной. После ужина перейдём к финансовым вопросам, — сказал Секретарь.

Члены Совета встали с мест и, аккуратно обходя мокрое пятно на мраморном полу, направились в сторону телячьих щёчек и бараньих ножек.

ГЛАВА 3 АЛЬТРУИСТ

Даниил Смоленский, наконец, был счастлив. После нескольких лет поисков, сотен писем о поддержке, отправленных, но никогда не обернувшихся ответом, и, конечно, банковского кредита — бича человека, начавшего мечтать, он обрёл настоящего спонсора. Щедрого, бескорыстного и такого же влюблённого в прогресс сумасшедшего, как сам Даниил — с тем лишь отличием, что спонсор имел сказочные возможности.

Спонсор был практически всемогущ. Каждое утро они списывались или созванивались, обсуждали реализацию проекта и план на день — и, стоило Даниилу засомневаться в выборе направления (а он сомневался в себе и своём выборе всегда), как спонсор находил нужные слова, нужную шутку, неуловимую уверенную интонацию, которая немедленно возвращала Даниила на правильный путь, заставляла его поверить в дело и в близость победы. До знакомства со спонсором Даниил трижды бил свой ноутбук и однажды прибежал к известному московскому психологу в истерическом припадке, с порога схватив врача за грудки:

— Доктор, я ни на что не гожусь, ни на что! Меня высосала эта работа! Я тень своей тени, я тля, я тварь! Скажите, что я не тварь, доктор! Соври мне, гиппократ, я деньги плачу!

Кем в точности являлся спонсор, Даниил не был уверен. Несомненно, он был миллионером. Миллионером-миссионером. Возможно, миллиардером. Когда этот чудесный человек позвонил ему в мессенджере полтора года назад и сказал: «Доброго дня, Даниил. Меня зовут Иван Николаевич, что, впрочем, совершенно не важно. Меня чрезвычайно заинтересовал ваш проект, и я бы хотел взять всю финансовую заботу о нём — и о вас, если позволите — на себя...» — Даниил так помешался от радости, что позабыл спросить фамилию звонившего, а затем как — то постеснялся. Не всё ли равно, из каких букв складывается фамилия или должность человека, если из его образа складывается слово «успех». Даниил знал лишь, что спонсор живёт на острове Бали, имеет, благодаря знакомствам, обширные связи в Москве и подставляет могучее плечо молодым учёным, имеющим перспективные разработки.

Изобретение Даниила должно было перевернуть мир — или, во всяком случае, устроить локальную революцию в лечении человеческих душ. Учась на последнем курсе университета, Даниил и его компаньон, Максим Крылов, получили доступ к двум программам — одна умела оживлять и озвучивать изображения, даря движения и голос героям фотографий, вторая же позволяла пользователю, надевшему сенсорный костюм, потрогать и ощупать нарисованные трёхмерные объекты. Идея скрестить эти две программы носилась в воздухе, но только приступив к работе, Даниил понял, почему видным программистам за рубежом так и не удалось произвести годный продукт. Задача оказалась невероятно трудна. Требовались передовые компьютеры и уникальный, никем ещё не разработанный алгоритм анализа данных для работы с гигантскими массивами информации. В то, что компьютерного гения, который справится с данной задачей, зовут Даниил Смоленский, не верили сперва и самые лояльные друзья.

— Если говорить о масштабе, мы замахнулись на создание атомной бомбы, но у нас нет технических ресурсов, бюджета и испытательного полигона, — заметил однажды Крылов после очередной бессонной ночи, когда компаньоны по очереди накладывали на хлеб замасленных рыбок из единственной банки шпрот.

Время летело, работа же всегда ползла, хотя Смоленский и Крылов не смыкали глаз по восемнадцать часов в сутки, и вот уже Даниил внезапно обнаруживал себя среди ночи гуляющим по парку с ноутбуком в руках, что твоя сомнамбула. А не то заканчивались деньги на покупку техники или его приходили выселять из съёмной квартиры, или всё это вместе взятое, и вконец тревога его доконала. Алгоритм извивался, как уж в мыльных руках, не желая влезать в требуемые рамки, данные не сжимались, в уже написанном коде ошибки выглядывали из всех углов, радостно топорщась уродливыми формулами, и компаньоны бесконечно правили и правили то, что давно, по расчётам, должно было стать завершённым.

Появление таинственного Ивана Николаевича в тот самый момент, когда Даниил в припадке депрессии топил в ванной компьютерную мышь, перевернуло мир вновь с головы на ноги. Образ Ивана Николаевича окружала тайна, но он был человеком-разгадкой. Человеком-отмычкой. Человеком, имеющим фонарь в тёмном лесу в разгар новолуния. Он будто взял за руку скитальца, завязшего по пояс в лесной трясине — и рванул его к свету.

Всё в жизни Даниила стало налаживаться, начиная с состояния духа и вплоть до самых мелочей. Для начала Иван Николаевич положил компаньонам содержание — несколько миллионов рублей в месяц — и покрыл долги по кредитам, которые Даниил и Максим набрали в полубессознательном состоянии творческого поиска (проценты по ним уже начинали чувствительно кусаться). Они никогда не обсуждали, сколько требуется на реализацию проекта, но в итоге Иван Николаевич платил компаньонам ровно столько, сколько и было надо для комфортной работы. Он переводил деньги словно шутя, хотя речь шла о небывалых для друзей суммах, пересылая их со своего кошелька в модной криптовалюте на кошелёк Даниила. Смоленскому перестали сниться кошмары, и уже за это он был своему патрону бесконечно благодарен, но Иван Николаевич находил всё новые способы его облагодетельствовать.

Так, в один из вечеров, которые Даниил чуть не с детства привык проводить в полном одиночестве, раздался звонок в мессенджере, и уже привычный бархатный голос на другом конце спросил:

— Чем занимаешься, Даниил?

— Решил отдохнуть. Писал код двенадцать часов подряд.

— А как отдыхаешь?

— Эээ..., — на самом деле Даниил лежал на коврик, расстеленном на балконе, но задумался, прилично ли будет об этом рассказать Ивану Николаевичу. В представлении Даниила, таинственный патрон не отдыхал никогда или же делал нечто из жизни потусторонних по уровню дохода людей: собственноручно водил трёхпалубную яхту, дрессировал леопардов или принимал ванны из жирафьего молока в компании индонезийских массажисток.

— Наверное, лежишь на балконе на пыльном коврике? — ласково и в то же время осуждающе уточнил голос.

— Вовсе не пыльный, я его мыл месяц назад, — запротестовал Даниил.

— А как насчёт познакомиться с женщиной? — спросил голос ласково и в то же время требовательно.

Даниил посмотрел на звёздное небо. Контакты с противоположным полом были для него обременительными. Он никогда не мог ясно сообразить, чего хочет в конкретную минуту человек-женщина. Впрочем, к нему пару лет назад подходила какая-то.

Дело было, кажется, в конце весны. Даниил работал за ноутбуком в городском парке, время клонилось к полуночи. На скамейку к Даниилу под села женщина лет тридцати в короткой юбке, глянцевого колготках со звёздочками, утягивающих бёдра на манер докторской кол-

басы и в туфлях с каблуками. Каблуки были такими огромными, а звёзды на колготках такими приметными, что Даниилу на секунду померещилось, будто к нему подсела кавалеристка со шпорами.

— Всё пишешь? А зовут тебя как? — спросила женщина нараспев.

— Даниил. Даниил Сергеевич.

— Оу, как солидно. Сергеевич. Моего первого звали Сергеем. Классный был мужик. Жаль, спился.

Женщина развязно положила руку Даниилу на бедро.

— Искренне чувствую... То есть, сочувствую, — чуть не подавился Даниил.

— Ну, ты-то явно не пьёшь, — женщина смерила его оценивающим взглядом и нахмурилась. — Надеюсь, ты не из этих, которые покупают безлактозное молоко и собираются вместе, чтобы...

Женщина хлопнула ладонью одной руки по сжатому кулаку другой.

— Чего? — вытаращил глаза Даниил.

— Ну, для этого самого.

Женщина несколько раз выразительно хлопнула ладонью руки по кулаку другой.

— А, в настолки играть? — с облегчением догадался Даниил. — Нет, я не играю. У меня уже посерьёзнее интересы.

— Понятно. Тогда, может, займёмся чем посерьёзнее? Я давно ищу серьёзного парня с определёнными интересами, — женщина встала и изящно перенесла вес тела на одну ногу.

Тут Даниил вспомнил, что днём как раз опустошил до дна ещё одну кредитную карту, а где берут кредиторов в полночь, он не имел ни малейшего представления.

— Обязательно займёмся. Но в другой раз, — сказал он, роясь в карманах. — Вот моя визитка, буду очень рад пообщаться.

Женщина одурело посмотрела на визитку и подняла на него глаза цвета тёмного пива:

— Слушай, я умею шевелить языком, бьюсь об заклад. Как раз за полцены могу, если жалко денег. Только никаких завтра там или через неделю...

— Интересной ночи, — пожелал Даниил, горячо пожав женщине руку.

Она так и не перезвонила. Но сейчас, когда Иван Николаевич спросил про женщин, Даниилу захотелось упомянуть её в числе своих побед. Она ведь была согласна, просто Даниил находился в неблагоприятной финансовой фазе.

— Конечно, я могу найти женщину, — сказал Даниил наконец. — Но это будет отвлекать меня от работы.

Это был почти беспроектный способ соскочить с неприятной темы.

— У меня есть более интересное предложение, — промурлыкал Иван Николаевич. — Запиши телефон...

Наутро Даниил обнаружил себя в сверкающем всеми гранями современного ремонта офисе, среди терракотовой плитки на стенах и длинных светящихся панелей, на тонконогом стуле, напоминающем насекомое. Из-за стойки выплыла девушка-менеджер, чью внешность полностью затмевали губы, похожие на лопающийся виноград.

— Даниил Сергеевич, — сказала она, — прошу пройти за мной.

Плавнo покачивая бёдрами, менеджер отвела его в Партер — небольшой зал с подиумом и дюжиной зрительских кресел, где, как с придыханием рассказывалось, состоявшийся человек может выбрать спутницу жизни.

Даниил, заметно нервничая, взглянул на экран смартфона — Иван Николаевич советовал ему присмотреться к Юлиане, кандидатке 26 лет с психологическим образованием. Откуда Иван Николаевич знал про Юлиану, Даниил не имел понятия, но он давно взял себе за правило не удивляться тому, что Иван Николаевич всеведущ.

Менеджер принесла ему кофе и глянцево́й, недавно отпечатанный буклет, содержащий резюме и по нескольку фотографий каждой соискательницы мужской опоры. Фотографий было иногда по две, иногда по шесть, но чаще по четыре на резюме, по числу сторон света, только география объектов была специфична: лицо, грудь, спина и нижние полушария.

— Скажите, а для чего здесь подиум? Можно взаправду заказать проход девушек рядом с собой? — охрипшим от волнения голосом спросил Даниил.

— За отдельную плату можно всё. Даже в нижнем белье, — подкатила глаза к потолку менеджер.

— Ух.

— Вам помочь с выбором? — девушка уставилась на Даниила взглядом, каким смотрят налоговики и финансовые аналитики на нечто прибыльное.

— Спасибо, я справлюсь. Вы не подумайте, у меня были женщины, и не одна, — Даниил почувствовал, как неудержимо краснеет. — Я вообще привык работать с большими массивами...

— Не буду вам мешать, — кивнула менеджер и удалилась. Даниилу сразу стало легче.

Юлиана была размещена на пятнадцатой странице, заметно отредактированная рукой графического дизайнера, а до него — рукой пластического хирурга. Она была очень хороша.

Даниил почувствовал возбуждение, а затем отдалённую, как глухой рокот грозы в летний день, тревогу. У Юлианы были мужчины до него, много мужчин: юные мажоры на спортивных машинах, солидные мужчины в итальянских костюмах, с запахом дорогих духов, с блеском дорогих часов, состоявшиеся старички, в начищенных туфлях, в ярких рубашках, чтобы отвлечь внимание от морщинистых, может быть, уже дрожащих рук. И вот, значит, он. Молодой человек с проектом и Иваном Николаевичем.

Несмело Даниил поднял руку и подозвал менеджера.

— Я бы хотел встретиться с Юлианой, — сказал он, стараясь глядеть в угол фойе, а не в глаза.

— О! Юлиана — отличный выбор! Вы останетесь довольны, — произнесла менеджер с заученной интонацией автомобильного навигатора.

— Как это можно устроить?

— Мы всё организуем за вас. Вам остаётся только радоваться своему счастью. Профессионалы нашего агентства...

— А можно проще, без презентации? — заёрзал Даниил. — Мне бы телефон.

— Да, — запнулась менеджер и секунду собиралась с мыслями. — Но так не принято. Профессионалы нашего агентства предложат вам удобное время для романтической встречи в одной из избранных локаций в центре Москвы.

Даниил выслушал текст, за исполнение которого с расстановкой и выражением менеджер получала зарплату, и через пятнадцать минут имел всё необходимое — номер, адрес ресторана и предложение (конечно, эксклюзивное и, конечно же, со специальной скидкой в случае, если пара продолжит общение) отправиться на Занзибар в недельное путешествие.

Встреча в ресторане оказалась уютной, переливающейся огнями свечей и движущихся фар за стеклом, и такой, что обе стороны чувствовали неизбежность перетекания вечера в ночь, значительно более насыщенную событиями.

И была ночь, и ночь была тепла.

Наутро Даниил проснулся с пугающим ощущением, что оказался в потустороннем измерении, и у него внезапно отросли длинные шелковистые волосы. Повернув голову на подушке и сфокусировав взгляд, Даниил с облегчением убедился, что не провалился после секса с платной моделью в пятый круг ада — они всего лишь находились в дизайнерских апартаментах, а его рука лежала в волосах Юлианы.

— О, ты был горяч этой ночью, — промурлыкала тоже проснувшаяся Юлиана, шурясь на свет сквозь гигантские, как крылья махаона, ресницы.

— Надеюсь, не потому, что простыл три дня назад, — сказал Даниил.

— Шутки любишь, да? Хочешь, анекдот про программиста расскажу? Я их много знаю...

Юлиана оказалась, в общем, самой простой и терпимой в быту женщиной — большое откровение для одинокого человека с чудачествами, который привык плыть по жизни один. Тем же утром они договорились вместе поехать на Занзибар, и Юлиана укатила к косметологу в салон, Даниилу же позвонил Иван Николаевич.

Начали с рабочих вопросов, как обычно, но затем, впервые за многие месяцы общения с меценатом, Даниил дал волю чувствам.

— Через четыре месяца программа заработает — конечно, будут баги, которые придётся исправлять, и первое время она будет довольно сырой. Знаете, это как первые полёты самолёта — за штурвалом должен быть лётчик-испытатель конструкторского бюро, а на земле — инженеры-проектировщики, чтобы следить за процессом и проверять, совпадают ли цифры с расчётными. Но летать она будет. Все критические ошибки исправлены, и ничего такого, никаких серьёзных уязвимостей... — Даниил замолчал, и у него на глазах навернулись слёзы. — Без вас этого бы не случилось никогда. Иван Николаевич, я не знаю, как это выразить, но до знакомства с вами я был так издёрган, так разочарован в своих способностях. Я уже был готов её уничтожить и идти работать хоть системным администратором. Всё так фантастически изменилось...

— Ещё рано благодарить, мой мальчик. Давай дождёмся первого полёта, — прожурчал Иван Николаевич. — С поездкой на Занзибар всё решено?

— Да. Мы думаем, это хорошая идея. Нам стоит познакомиться поближе, а мне, если честно, давно пора взять небольшой отпуск, — сказал Даниил и тут же спохватился. — Нет-нет, не волнуйтесь, это никак не выбьет нас из графика.

— А я и не волнуюсь. Зная тебя, я уверен, ты будешь продолжать писать код по несколько часов в день и на Занзибаре.

— Да, верно. Что там ещё делать, на песке под пальмами...

Через неделю Даниил и Юлиана вместе оказались в бунгало на берегу моря, и Даниил продолжал романтично писать код, изредка прерываясь на объятия и шлепки по разным частям тела. Дул тёплый ветер, шершавый песок приятно массировал ноги, гостям с севера светили звёзды Южного Креста.

Иван Николаевич беспокоил его на отдыхе редко и ненадолго, выбирая минуты ближе к закату, когда Даниил отвлекался от ноутбука и давал глазам отдохнуть. Покровитель мало говорил о деле, а всё больше усмехался, называя Юлиану «птичкой» и «прекрасным созданием», когда разговор шёл по громкой связи и спутница Даниила оказывалась рядом.

— У меня, конечно, бывали спонсоры, — заметила как-то Юлиана. — Но быть подружкой человека, которого содержит спонсор — такое у меня в первый раз.

— И как тебе? Первый вариант лучше?

— Смотря с кем. Вдруг твоему Ивану Николаевичу уже семьдесят. Там, чтобы заняться сексом, к примеру, уже нужно медицинское образование. Дашь мало виагры — не фарт, дашь много — инфаркт.

Даниил мысленно порадовался, что находится в том возрасте, когда мужчина требует минимального ухода — вероятно, называемом расцветом сил.

В разгар вакаций, когда молодая пара решила внести в обстановку разнообразие (хлебнув моря, путешественники захотели в горы, которые манили на горизонте весьма настойчиво), Иван Николаевич вдруг позвонил в необычное время, и голос его звучал торжественно:

— Даниил, я думаю, тебе пора переезжать в собственное просторное жильё.

Секунду Даниил пытался понять смысл чудесной фразы, а Юлиана, существо более практичное и расторопное, уже вовсю тараторила:

— Да, да, давно пора! Скажу вам больше, Иван Николаевич, я готова на свадьбу, если половина будет моя. Можно и четверть, если в пределах Третьего кольца.

— Что ты такое говоришь? — испугался Даниил, шёпотом одёрнув Юлиану.

— Помолчи, — шёпотом же шикнула она. — Для него это как семечек купить. А для тебя и меня такой шанс бывает в пять лет раз! Особенно для тебя! — Юлиана сжала его руку с такой силой, что в ладони что-то щёлкнуло.

— Как вы смотрите на район Цветного бульвара? — бархатно спросил Иван Николаевич.

Даниил почувствовал, как от этих слов у него щёлкнуло уже что-то в голове, отчего действительность стала кружащейся вместо окружающей.

— Иван Николаевич, это район моего детства, моей юности! Я там знаю каждый дом. А цирк на Цветном, ах! — восклицала Юлиана. — Я хотела, когда вырасту, стать наездницей, чтобы меня знала вся Москва. И, в общем, даже что-то сбылось, но поверьте...

— Я... я не знаю, как выразить мою благодарность и чем вам отплатить, дорогой Иван Николаевич, — выдал из себя Даниил. — Вы так щедры и так бескорыстны, а я...

— Ну-ну, мои дорогие, я понимаю, вы сейчас испытываете сложные эмоции, — Иван Николаевич явственно наслаждался своей ролью доброго волшебника. — Через полчаса с тобой свяжется мой юрист, Дмитрий Марушевский, он расскажет тебе все детали.

Юрист Марушевский имел голос низкий, солидный и чуть простуженный, как будто для связи с Занзабаром он вместо телефонной трубки говорил в бочку. Даниила всегда смущали

солидные люди, поскольку в их присутствии он чувствовал себя незначительным, поэтому, чтобы придать своему голосу уверенности, он представлял, что Дмитрий Марушевский — колобок ростом метр пятьдесят. Марушевский, меж тем, рассказывал, что Иван Николаевич дал ему указание оформить договор дарения на Даниила, а после пояснил суть и последствия сделки — в юридическом сленге Даниил смыслил мало, но радостную весть о том, что налог ему платить не придётся, уловил. Оказывается, меценат уже и деньги на специальный счёт для этого перевёл. Затем Марушевский проверил на слух паспортные данные, уточнил, не является ли банкротом сам Даниил и, услышав удовлетворяющий его ответ, кратко поздравил его с приобретением. Наконец, Марушевский пригласил Даниила после возвращения из путешествия в свой офис для передачи документов и ключей.

Юлиана, высунув язык, конспектировала услышанное от юриста в блокноте. Затем она ринулась к ноутбуку проверять адрес и дом. Квартира действительно оказалась на Цветном бульваре, в историческом особняке, площадью 75 квадратных метров.

— Потолки три пятьдесят... А какой вид из окна, — зачарованно шевелила губами Юлиана. — Данил, а попроси у него через месяц ещё квартиру. Я научу тебя, как сделать, чтоб он не смог отказать.

— Как же я у него попрошу? — деревянным голосом произнёс Даниил. — Мне к нему по имени скоро будет страшно обращаться, буду называть его «многоуважаемый благодетель».

— Не будь чудиком, программист, — Юлиана шлёпнула его по руке. — Человек любит давать, неужели ты не слышишь? Он в этом чувствует своё призвание. А раз любит давать, обязательно надо просить. Ты же не в карман ему залезаешь, ты помогаешь филантропу исполнить свою миссию. Как для танго нужны двое, так и для дающего нужен просящий.

Танцевать танго Даниил не умел, но для спокойствия — прежде всего, собственного в оставшиеся дни вакаций — обещал поразмыслить над предложением.

Вернувшись в Москву, он поехал прямо в офис к Дмитрию Марушевскому — тот с партнёрами арендовал отдельный подъезд в изящном доме конца 19 века, выкрашенном в синий цвет. Крыльцо было стильное, основательное, с малахитовой облицовкой, с порога намекавшее, что с пустыми карманами внутрь и соваться не следует.

Сам Марушевский походил на томик суровых законов — был он крепко сбитый, с невыразительными стальными глазами, в стального же цвета костюме, и даже говорил безо всяких эмоций. Из-под рукава у него выглядывали асфальтового цвета часы, на столе лежали серые карандаши, а на окно во время их разговора уселся сердитый, сизо-блёклый голубь, имевший отдалённое сходство с Марушевским. У юриста было сложное лицо, но он уже был в том возрасте, когда сложное лицо перестаёт доставлять проблемы и начинает приносить деньги.

— Вы как знали, Даниил. Приехали как нельзя вовремя — выписку о праве собственности на квартиру я забрал этим утром.

— Мне надо что-то подписать?

— Из важных документов — нет. Дарение — односторонняя сделка, поэтому вам ничего в правоустанавливающих документах подписывать не надо. Всё, что нужно, мы уже сделали за вас — вот договор дарения, подписанный мною в интересах Ивана Николаевича, вот выписка из ЕГРН, вот справка об отсутствии долгов по платежам, свежая выписка из домовой книги, — Марушевский хищно ткнул в неё указательным пальцем. — Это, кстати, важный документ. Квартира, будем считать, чистая, но первое время выписку лучше держать при себе. На всякий случай.

— На какой случай? — поднял брови Даниил.

— Видите ли — квартиру Иван Николаевич приобретал на торгах, тоже с нашей помощью. А за залоговым имуществом — квартирами должников, в данном случае — зачастую тянется юридический хвост. Оспаривание торгов, зарегистрированные несовершеннолетние, какие—то тёмные кредиторы прежних собственников, которые начинают названивать новым хозяевам и так далее. С этой квартирой, к счастью, таких проблем нет, но очень долго не хотел выселяться по доброй воле бывший собственник. В итоге, мы его выселили по суду, и он внезапно пропал прямо накануне визита приставов.

— Пропал? — изумлённо спросил Даниил.

— Да, пропал. Люди иногда пропадают, — ответил Марушевский невозмутимым, серостальным голосом человека, чья юность прошла в девяностые. — Решение суда вам, пожалуй, тоже стоит взять. Хм, а где же оно?

Марушевский тщательно перелистал папку с документами, а затем поднял указательный палец, точно фокусник, который просит внимания у зрителя: «А вот погляди, братец, как я сейчас этот ребус разгадаю!» Юрист нажал кнопку вызова, и через несколько секунд в кабинет вплыла секретарша, вся в неожиданно розовом цвете, смотревшаяся в этом царстве строгости как ребёнок с воздушным шаром, забравшийся на металлургический комбинат.

— Анечка, принеси, пожалуйста, решение Тверского районного суда, оно должно лежать на средней полке в сейфе. И принеси чашку кофе мне и молодому человеку. Мне капучино, как обычно...

— А меня берёт только двойной эспрессо. Программист, профдеформация, — пояснил Даниил.

— Сделаем, — кивнула Анечка, и Марушевский провожал её удаляющиеся формы чуть дольше приличного, из чего Даниил сделал выводы.

Через несколько минут в руках Даниила появились и решение суда и чашка кофе.

— Вы с этим решением и с выпиской поезжайте прямо на квартиру, — наставительно произнёс Марушевский. — Посмотрите, всё ли там в порядке. Если квартира пустая, меняйте замки, не откладывая, это мой вам совет.

— А если... ну, бывший собственник вернулся?

— Тогда можете потребовать его выезда, скажем, в течение двадцати четырёх часов. Время более чем достаточное. Дальше нагрянем мы с приставами.

— Он один? Ни жены, ни детей?

— Есть у него какая-то племянница в Самаре. Должно быть, поехал к ней. На улице не останется, если вы об этом. Вообще, не стесняйтесь быть жёстким. Появится и начнёт разговory — звоните мне или сразу участковому. Вы теперь собственник, правоустанавливающие документы на руках, можете не церемониться.

Это были советы какому-то другому Даниилу, солидному и уверенному в себе, а он знал про себя, как мало в нём от Марушевского. При одной мысли о том, что бывший собственник сейчас в квартире и прибил себя гвоздями к полу, чтобы его можно было вытащить только с мясом, Даниил вздрогнул. Пробежав глазами договор дарения и решение суда, он, наконец, узнал, что Ивана Николаевича зовут Молчанов — фамилия столь часто встречающаяся, что, если Даниил и читал когда-то об известном Молчанове, то, верно, давно позабыл, в связи с чем. Зато в договоре стояла дата рождения — 1969 год. Годится в отцы, подумал Даниил. В каком-то смысле, Иван Николаевич и был отцом его проекта.

Его также приятно удивило, что Иван Николаевич глубоко доверяет Марушевскому — на юриста была оформлена доверенность с правом подписи договора дарения квартиры, а также судебная доверенность. Видимо, без юридической поддержки нельзя, если физически находишься почти всё время за границей, подумал Даниил. Кому-то же необходимо управлять активами, следить за сбором ренты (почему-то он был уверен, что Иван Николаевич владеет недвижимостью в каждом московском районе), помогать с налогами. Интересно, как он познакомился с Марушевским — только ли по делу, или их связывает дружба?

— Скажите, Дмитрий, а давно вы знаете Ивана Николаевича? — спросил Даниил.

— Вы имеете в виду лично? — наклонил голову Марушевский.

— Да. Извиняюсь за любопытство, но я ему стольким обязан. Хотел бы чуть больше узнать о человеке.

— Здесь я вам помочь не смогу. Видите ли, я его ни разу в жизни не встречал.

— То есть как? — распахнул глаза Даниил.

— Мы с ним работаем так же, как с любым клиентом, проживающим за границей. Когда Ивану Николаевичу требуется юридическая помощь, мы высылаем ему скан подписанного с нашей стороны договора, он присылает подписанный им скан в ответ, оплачивает работу, и далее мы действуем по доверенности, совершенно не зависимо от его личного присутствия. Да, мы иногда созваниваемся, но нужды жать друг другу руки у нас нет.

— Удивительно, — пробормотал Даниил.

— А вас что-то смутило?

— Нет, просто в моём понимании серьёзные вещи обсуждаются как-то иначе. С глазу на глаз.

— Мир стал меньше и ближе благодаря современным средствам коммуникации, — на лице Марушевского появилось некое подобие улыбки, — уверен, Иван Николаевич из тех людей, которые, будь их воля, прожили бы эту жизнь отшельниками. Телефон и интернет, а также большое количество денег — и можно позволить себе жить хоть в иглу в Гренландии, а за делами будет приглядывать кто-то другой. Например, мы.

Марушевский приосанился и как бы невзначай сунул Даниилу визитку — прекрасную, на эластичной бумаге с примесью пластика, с двусторонним тиснением и вензелем ДМ.

Даниил почувствовал себя юридически облагороженным после приёмов Марушевского, и всё же встреча оставила щемящее чувство неясности. Внутренний голос упрекал его, напоминая, что при столкновении с серьёзными материями лучше вовсе не начинать задавать вопросы, но Даниил начал, а после этого, как водится, очень трудно остановиться.

В такси, едучи на Цветной Бульвар, он тщательно изучил результаты поисковой выдачи по словосочетаниям «Молчанов Иван Николаевич», «Иван Молчанов», «Молчанов миллионер», «филантроп с Бали Молчанов» — и упёрся в глухую стену молчания Всемирной сети. Нашёлся, правда, один Молчанов Иван Николаевич, владелец ореховых плантаций на Кубани, но, зайдя на его сайт *«Лучший грецкий орех в Армавире»*, Даниил заподозрил, что это всего лишь полный тёзка его благодетеля. Вскоре его подозрения подтвердились: на том же сайте, меж ссылок «Опт 450 руб/кг» и «Борьба с плодовой жоркой», нашлось видео с уборки последнего урожая, где плантатор Молчанов, круглолицый, красноносый, в растянутых спортивных штанах, самостоятельно убирал с травы орехи причудливыми грабелями, а затем поворачивался к зрителю, зачерпывая в огромную ладонь горсть орехов и говорил с густым кубанским акцентом: «Вот он какой уродился, наш орешек. Большой, спелый! А шо самое главное, как вы думаете? Самое главное — он нэ горчит!»

Дом на Цветном бульваре выглядел так, что Даниил, прежде чем зайти в подъезд, впервые за несколько дней почистил влажной салфеткой собственные ботинки. Консьержка, похожая на слегка облезлую графиню из чеховской пьесы, смерила его уничижительным взглядом:

— Вы в какую квартиру?

— В восьмую.

— Позвольте узнать, по какому поводу? — прищурилась консьержка. Очевидно, она знала, что квартира с долгой юридической историей.

— Я новый собственник, — сказал Даниил, почему-то глядя в мраморный пол.

— Собственник? Вы? — прищурилась консьержка ещё уже, до степени неразличимости зрачков.

— Да. Вот мои, так сказать, верительные грамоты, — Даниил извлёк из рюкзака и разложил перед консьержкой паспорт, решение суда, договор дарения и выписку из ЕГРН.

— В самом деле, — наконец, произнесла консьержка, поправив очки. — Раз так, давайте я вас перепишу. Будем знакомы.

Стоя на мраморном полу, Даниил старался не думать о том, какие титулованные ноги ступали по этому мрамору в предыдущие полтора столетия. От каждой плитки веяло Александром Третьим и чуть-чуть Кандинским. Даниил со своим бумажным стаканчиком кофе был здесь возмутительно инородным объектом. Консьержка размашистым, почти каллиграфическим почерком выводила крупные буквы, нимало не торопясь.

— Ах да, в восьмую, между прочим, прислали письмо. Только сегодня, за час до вашего прихода, — подняла палец консьержка, завершив с писанием. — Вот, забирайте.

— Письмо? Уверен, это не для меня, но спасибо.

Поднимаясь по лестнице на третий этаж и зажав кофе в левой руке, Даниил вскрыл письмо. В нём находилась поздравительная открытка. На титульной стороне, под рисунком дома, начерчен был лозунг: «Радостного новоселья!» На обратной же стороне имелся печатный текст, набранный курсивом: *«Кто бы мог подумать, что желание стать всемирно известным изобретателем, загаданное однажды на берегу Дона, сбудется так быстро?»*

Стаканчик кофе выпал из руки Даниила.

Он схватился второй рукой за открытку и перечитал текст несколько раз, не веря своим глазами, пока бурая жидкость медленно стекала вниз по столетним ступенькам.

Пятнадцать лет назад, приехав беззаботным школьником к тётке в Воронежскую область, он действительно загадал желание стать всемирно известным изобретателем и написал об этом желании на листке бумаги, а листок бумаги засунул в бутылку и закопал под дикой сливой на берегу Дона. Никто не видел его тогда, ни единая живая душа не могла узнать о том, что это однажды произошло, поскольку Даниил ни разу в жизни об этом не рассказывал.

Кто вы, Иван Николаевич?

ГЛАВА 4

ПРИБЫТИЕ

16 декабря. Москва. 18 часов 45 минут.

В российской столице были адовые минус двадцать три градуса. Лавр, едва выйдя из аэропорта, потянул носом студёный воздух и немедленно заплакал от мороза и, возможно, жалости к самому себе. Он тут же поднял воротник своей шубы и закутал нижнюю половину лица в шарф — и это не помогло, хотя машину подали быстро, и он нырнул в тёплый салон.

"Хоть бы распогодилось. А то придётся всю поездку сидеть в помещении и посылать на задания этого мордоворота. За что ему досталось такое хорошее кровообращение, ведь он работает в Африке? Дуракам счастье", — сердито думал Лавр.

Чуть погодя он стоял вместе с Мавром в лобби отеля, ожидая регистрации, и по щеке Лавра катилась огромная остаточная капля. Улучив момент, когда девушка на ресепшн опустила глаза, Лавр слизал слезу длинным языком и достал превосходно подделанный российский паспорт.

Тут его поджидал неприятный сюрприз.

В то время как Лавр без шубы оказался обычным солидным мужчиной в приличном пиджаке, Мавр в человеческом облике возмутительно походил на темнокожего криминального авторитета — он имел бочкообразную волосатую грудь, кулачищи с пуд и три кольца с драгоценными камнями, от которых наотрез отказался избавляться. Но если Лавр получил паспорт на имя Леонида Николаева, у Мавра всё обстояло много хуже.

— Маврикий Самсонович Растрелли? — переспросила вслух девушка, тараща глаза в паспорт, а затем на Мавра. — Вы уверены в этом?

— Абсолютно, — подтвердил тот. — Во мне коктейль благородных кровей.

— Дело ваше, но мы передаём все данные о гостях в Управление по вопросам миграции. В течение суток. Статья пятая Закона 5242-1, — невозмутимо заметила девушка, катая паспорт в сканере.

— Маврикий Растрелли?! — в ярости зашипел Лавр, когда они с Мавром оказались вдвоём в лифте.

— Что здесь такого? Фамилия звучная. Брал из словаря.

— Какого словаря?

— Ну, толстый такой словарь. Солидные мужики делали. Брокгауз и ещё какой-то хрен в очках.

— Ладно. На ваше счастье, у части состоятельных россиян есть мания искать у себя дворянские корни. Если б вы взяли двойную фамилию, какую-нибудь биполярную — скажем, Пушкин-Бенкендорф — и были бы местным, сошли бы за бизнесмена из Саранска с детскими комплексами. Вас бы даже пожалела та девушка... Но Растрелли так Растрелли, — сказал Лавр.

"Если он убедил административный отдел выдать ему паспорт на имя Маврикия Растрелли, что он ещё натворил, о чём мне надо знать?" — тревожно подумал Лавр. "Не стёр из телефона контакты африканских торговцев оружием? Назначил в Москве встречу представителям Фронта поедателей сердец Танганьики? Лучше выяснить сейчас, чем когда вся Москва начнёт показывать на него пальцем. Он и так негр огромных размеров, так что про правильную конспирацию можно забыть сразу".

Мавр не дал ничего выяснять — едва забросив вещи в номер, он выглянул в окно, хлопнул в ладоши и издал возглас: «Вот это местечко! Было бы такое в Африке, я бы там та-а-ак развернулся! Поехали смотреть город!»

И Мавр потащил Лавра, замотанного по уши подобно египетской мумии, по всем московским достопримечательностям. Сперва Мавр пожелал оглядеть музеи автомобильной и военной техники, затем нагрузился щами и рябчиками в знаменитом ресторане на Тверской, потом его заинтересовали подступы к Кремлю ("Солидная крепость, сходу не влезешь!", прокомментировал он). Наконец, по отчаянной просьбе задубевшего Лавра, они забежали погреться в Третьяковскую галерею.

Лавр, который во время этих манёвров балансировал на грани морфинга и чудом избежал появления когтей и хвоста, решил надавить на трудовую этику:

— Нельзя брать от места всё самое лучшее в первый день. Давайте отложим увеселительные поездки до новогодних праздников, когда разберёмся с делом. Поедьте в отель, обсудим план...

Мавр не купился на это предложение:

— На решение вопроса дан месяц, а эта парочка недокормышей при встрече со мной протянет секунду. Как цыплёнок в пасти леопарда.

Он хлопнул Лавра по плечу здоровенной рукой. Драгоценные камни на пальцах сверкнули под изумлённым взглядом "Неизвестной" Крамского.

— Неужели вас не греет знакомство с чем-то новым? — спросил Мавр, дыша в лицо Лавру рябчиками и чесночным соусом.

— Не очень.

— Ну а я не виноват в том, что вы мёрзнете, как сфинкс. Посмотрите на девицу с картины — она одета гораздо легче вас и сидит зимой в бричке с откидным верхом. И ей тепло, судя по всему. А мы-то всё время двигаемся!

Лавр хотел было сказать, что девица Крамского едет крутить шашни с молодым дворянином, а у них в Москве дела посерьёзнее, но в этот момент из-за угла выскочила группа туристов. Туристы немедленно облепили шедевры русского реализма, как муравьи — кусок рафинада, тесня своего гида вплотную к полотнам. В их присутствии Лавр не стал говорить о деле и только сердито фыркнул.

— Спортом вам надо заняться, вот что! — невозмутимо сказал Мавр. — Тогда и кровь по сосудам будет бежать, а не киснуть.

Это замечание компаньона натолкнуло Лавра на идею, оказавшуюся продуктивной сверх всяких ожиданий. Через час он затащил Мавра в одно из московских злчных мест — притаившийся во дворе здания на Гоголевском бульваре салон тайского массажа «Чао Бокао».

Уже в названии заведения заключалось лукавство — как разъяснял цветной буклет, вручавшийся при входе, массаж подготавливает жировые отложения к выводу из организма, но визуальный эффект (признавала сноски мелким шрифтом) без физической активности и диеты недостижим. Таким образом, ни левый ни правый бокао массажем не убавлялись.

Далее выяснилось, что тайские массажистки Юй и Куантяй разговаривают друг с другом исключительно по-узбекски. Лавр задал вопрос администратору об этом удивительном факте, и тот, опустив глаза в пол, прошептал, что Юй и Куантяй по пути из Бангкока в Москву остановились поработать на пять лет в Самарканде.

Трудные пять лет в Самарканде, во время которых Юй и Куантяй совершенно забыли родной язык, не отразились, однако, на их профессиональных навыках, в чём с улыбкой поспешил заверить администратор. Сверх того, тайский дух процветал в дизайне салона: изо всех углов помещения торчал аутентичный южноазиатский бамбук. Циновки на полу были из бамбука, проходы между комнатами разделялись бамбуковыми занавесками, и Лавр даже впервые в жизни увидел икебану, составленную целиком из резаного бамбука, без малейшего намёка на цветы.

Но самое важное в этот вечер, когда мороз рисовал узоры на окнах, а редкие птицы, решившие за чем-то долететь до середины Москвы-реки, поворачивали обратно греться на чердаках — в салоне было тепло и гоняли кровь.

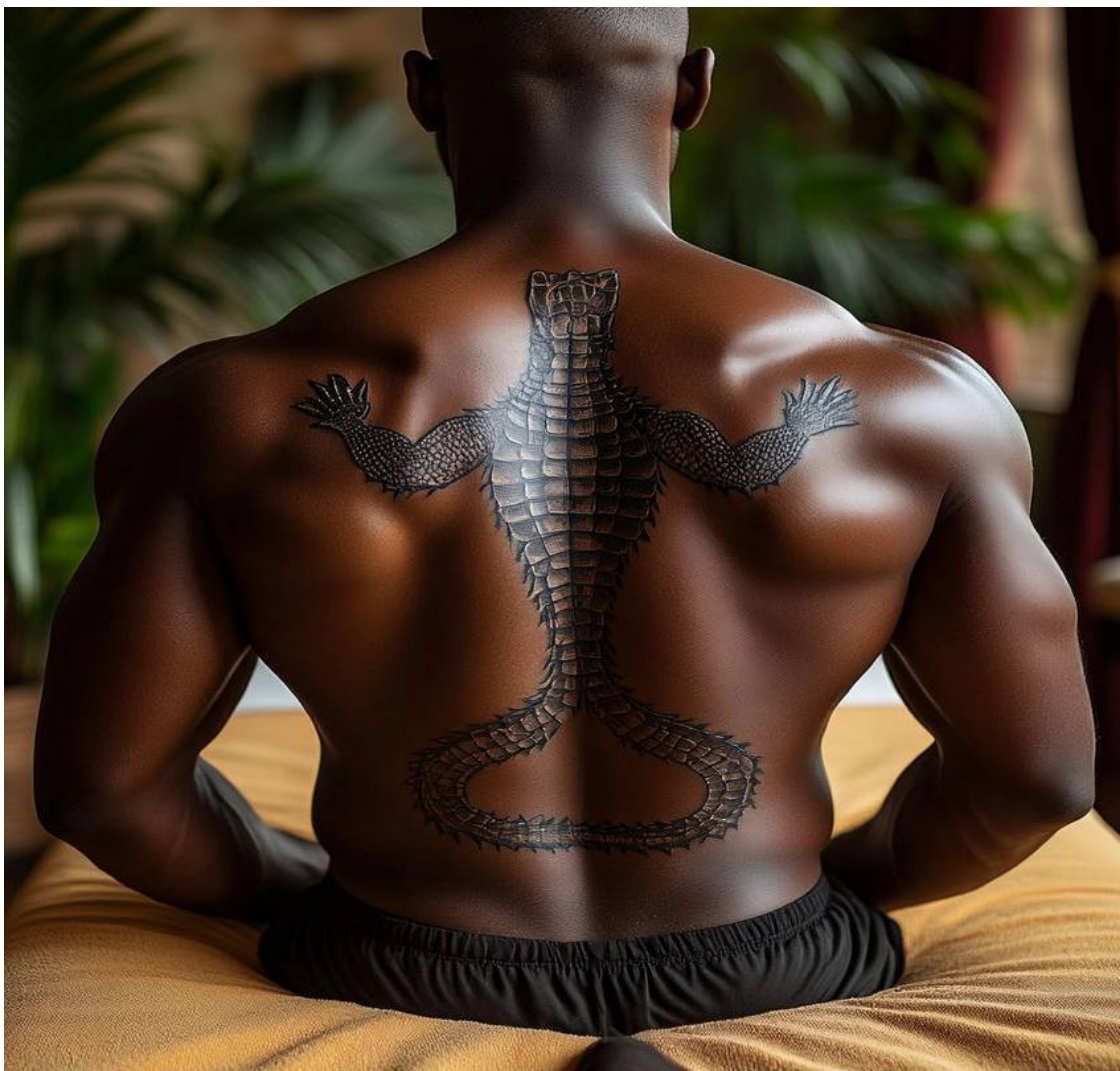
Мавр не нашёл ничего возразить против такого досуга, и вскоре компаньоны оказались в массажном зале. В углах благовожно курились курения, на картинах коварно змеились змеи, борющиеся с мангустами, также присутствовали три статуи — две изображали голых тайских девушек, изогнувшихся в танце лентой Мёбиуса, а третья — тайскую кошку размером с небольшого тигра. Эта мраморная кошка имела особенность: она так пронзительно смотрела на массажные столы своими аметистовыми глазами, что становилось даже неудобно оголяться.

Лавр с самого прилёта в Москву не мог отделаться от липкого, мурашливого ощущения, что за ними следят. Следят как будто исподволь, издалека, без ходящих по пятам мужчин с неприметными чертами лица. Чутьё подводило Лавра редко, и он поймал себя на мысли, что придирчивее, чем обыкновенно, разглядывает интерьер и углы салона в поисках видеокамер.

— Как думаете, Маврикий, это нормально, что меня смущает своим взглядом искусственная кошка? — спросил Лавр вслух, стягивая рубашку.

— Пока кошка не начала с вами разговаривать, нормально, — отозвался тот, плюхаясь богатырским телом на массажный стол.

Столик панически скрипнул, но выдержал. Брови массажистки Куантяй взлетели вверх: почти вся полезная площадь тела Мавра была занята причудливыми татуировками. Лавр, прищмотревшись, оторопел: самая большая из татуировок изображала крокодила, бьющего хвостом.

— Что у вас на спине? Не рискованно ли это? — спросил он, думая о том, что подобные изображения потенциально нарушают правило 7.25 Дисциплинарного Устава, которое гласило, что члены Совета должны воздерживаться от словесных и визуальных упоминаний мира ящеров.

— А, это... — ответил Мавр, которого Куантяй уже начала яростно лупить рёбрами ладоней по всей наспинной живописи. — Не волнуйтесь. В Африке принято каждого человека, внушающего страх и уважение, называть «крокодилом». Если перед человеком трепещет целый город или район — то это уже «большой крокодил». Как вы можете догадаться, я крокодил из самых крупных.

— Понятно, — успокоенно сказал Лавр. — А почему он бьёт хвостом?

— Знаете старую шутку татуировщиков? Татуировка бабочки означает бабочку, татуировка волка означает волка, а татуировка среднего пальца означает, что кто-то задаёт слишком много вопросов, — Мавр затрясся от смеха так, что Куантяй была вынуждена придержать столик.

«Похоже, содержательного разговора не будет, и план придётся разрабатывать самостоятельно. Иного я и не ждал», — подумал Лавр.

— Но если хотите, можем назвать нашу миссию в Москве в честь моей татуировки. Серьёзному делу полагается иметь название. Пусть будет миссия «Удар хвостом», — буркнул Мавр, засыпая во время массажа.

У Лавра сна не было ни в одном глазу, тем более что Юй, делавшая массаж по другой программе, стащила его вниз на коврик и почти силой заставила сесть на шпагат. Затем он выдержал мощную серию ударов тыльной частью ладони по разным чувствительным поверхностям. Кровь в его теле текла вовсю и забурлила бы, если б могла.

Во время этих бодрящих мероприятий у Лавра составилась примерный план устранения двух изобретателей. Напрашивался несчастный случай во время празднования Нового года — самого смертоносного дня, если верить беспристрастной статистике. Имелись, однако, две сложности. Во-первых, отличающееся от единицы число целей неприятно сужало выбор средств. Во-вторых, надо было считаться с пожеланием Первого Когтя об исчезновении тел этой двоицы. Соответственно, банальное и надёжное пьяное ДТП проблему не решало. Изобретателей следовало одновременно похитить и мочкануть либо сперва мочкануть, а затем похитить, предоставив коллегам из транспортного отдела чистое пространство для фабрикации документов о выезде программистов из России и запуска легенды об их побеге с деньгами. Наследить было нельзя категорически — в случае обнаружения тел вялое тихое мошенничество немедленно превращалось в чрезвычайную уголовную мокруху с сюжетами телевидения в прайм-тайм и повышенным интересом к компании «Тенталис».

С похищением тоже не всё было гладко — как утверждало досье на молодых выскочек, каждый из них выскакивал в свет в сопровождении охранника. Лавр не любил, когда у него под ногами путались посторонние. Нужно было улучшить момент, когда двое основателей «Тенталиса» окажутся рядом друг с другом и без охраны — а лучше всего, создать такой момент самостоятельно. Для этого требовалось узнать распорядок дня изобретателей, их ближайшие планы и график встреч. Прослушку должен был наладить московский технический отдел, с штатом которого Лавр пока не знакомился — впрочем, ходили слухи, что местные инженеры весьма компетентны.

Мавр, тем временем, захрапел на массажном столе так, что дал бы фору старому мотоциклу, не желающему заводиться. Куантяй, раздражённая непрошеным саундтреком, прицелилась и вlepила Мавру с правой мощную пощёчину. Немедленно последовала и пощёчина с левой стороны. Пропустив эту двоечку, Мавр коротко хрюкнул и поднял голову:

— Что?! Уже началось?! Где мой пистолет? — спросил он, прищурившись.

— Уже заканчиваю, — невозмутимо ответила Куантяй, разминая спину так аккуратно, будто за всю жизнь ничего предосудительного руками не делала.

— Пока вы видели сны, я придумывал план, как накрыть наших птенчиков, — веско сказал Лавр.

— Из местных птенчиков меня сегодня интересуют рябчики. Они и только они, — кисло ухмыльнулся Мавр.

Лавр вздохнул. И после паузы медленно, тоном выходящего из себя учителя, сказал:

— Знаете, Маврикий, вы, должно быть, мастер боевых искусств и отлично всё делаете руками... но кто-то же должен соображать и головой!

На лице Мавра появилась хмурая гримаса.

— План, говорите? — Мавр повернулся на бок, благо Куантяй, завершив сеанс, покинула массажный зал. — Скажите, компаньон, сколько раз в своей жизни вы участвовали в настоящем деле? Я имею в виду не планирование званных обедов в Парижах для учёных крыс, а реальное дело?

Мавр потянулся к резной коробочке для акупунктуры и взял одну иглу, после чего демонстративно воткнул её в точку «цао гун» на левой руке. Из цао гун вытекла капелька крови.

Немедленно вслед за этим Мавр извлёк иглу и с фантастической для его толстых пальцев ловкостью согнул её в почти идеальной формы букву S.

— Скажу честно, непосредственно руки не пачкал... — начал Лавр.

— Я так и думал.

— Но приказы исполнителям отдавать приходилось.

— А я с восемнадцати лет почти каждый день занимаюсь этим лично. Давно мог бы расслабиться, учитывая мой статус, но не хочу терять хватку. И вот, считаясь лучшим исполнителем во всей Африке, я могу вам сказать — никогда, ни единого раза задуманное не шло по плану. Жизнь — это кино, где ни один из актёров не читал ваш сценарий.

— Так что, будем полагаться на экспромт?

— Полагаться будем на мой опыт и молниеносную реакцию.

После массажа администратор салона всучил посетителям по визитке и долго вымаливал у Мавра разрешение сделать фото для сайта массажного салона.

— Вы такой фотогеничный индивид! Мы поместим вас на главную страницу и подпишем фотографию: «Промнём даже такие мышцы!»

Мавр был не прочь сняться с массажистками, и администратор уже успел расставить Юю и Куантя по правую и левую руку от гостя (они выглядели на фоне громадного татуированного Мавра, как школьницы на фоне рэп-звезды), но Лавр утащил компаньона за локоть в сторону.

— Давайте поменьше светить лицами, — шепнул он.

— А как же наработка дружеских связей и доверительных отношений? — возразил Мавр, но нехотя повиновался.

— В другой раз.

— Ну, не хотите — как хотите. Заходите ещё, милости просим, будем благодарны за рекомендации. Раз не получилось с фотографией, оставьте хотя бы отзыв на сайте, — расплылся в вымученной улыбке администратор.

— Обязательно, — проворчал Лавр, закутываясь в шубу и шарф.

— Не получится с отзывом, хотя бы пять звёзд нажмите. Очень вас прошу!... — донеслось им вдогонку.

Мавр полчаса дулся, не желая вступать в содержательные разговоры, и уже в гостиничном люксе, когда за ними закрылась дверь, дал волю чувствам:

— Что вам всё не так? Фотографироваться нельзя, ездить по городу нельзя! Мы должны весь месяц, как крысы, торчать в отеле? Может, ещё и маску на лицо надеть? Или выходить только по ночам?

— Есть важный принцип — он называется осторожность. Крайне полезная вещь, особенно при выполнении сложных заданий в незнакомом городе, — сказал Лавр, стараясь не повышать тон.

— Чем ваша осторожность поможет нам до начала операции? За нами уже следят три бригады спецназа? Для всех мы туристы. Турист, который торчит безвылазно в гостинице — очень подозрительный турист, и вы не убедите меня в обратном!

— Согласен, сидеть безвылазно мы не будем. Но и привлекать к себе внимание — тоже. Мне неспокойно в Москве. Даже здесь, в отеле, не покидает ощущение, что наш приезд кого-то заинтересовал. Я чувствую чьё-то постоянное внимание.

— Знаете, сколько соглядатаев я передушил вот этими самыми руками? — Мавр поднял в воздух два мускулистых окорока.

— Вы что?! Здесь не Африка. Тех, кто на вас косо посмотрел, трогать нельзя. Вообще я против насилия. Насилие допустимо только в крайних обстоятельствах, когда без него абсолютно нельзя обойтись.

— Разве это жизнь? Я бы помер от скуки на вашем севере.

Мавр огорчённо схватил из вазы апельсин, чуть надкусил кожуру и небрежным движением выдавил его содержимое в рот. Через секунду в урну полетела морщинистая апельсиновая шкурка, выжатая досуха — ни одна соковыжималка в мире не смогла бы извлечь оттуда больше ни капли сока.

Во время ужина в ресторане отеля они помирились. Рябчиков здесь, правда, не подавали, зато потчевали огромным, в сковороду размером, шницелем с сыром и яблоками. Его употребление было как раз тем типом задачи, который оказался Мавру по нраву.

Лавр с задумчивым интересом смотрел на движение тысяч светящихся огней за окнами ресторана — Москва плавно перемещалась, подрагивали белые и красные фонари фар, и поток автомобилей казался таким бесконечным, словно на их глазах мигрировала стая птиц со всего Северного полушария.

— Сколько людей, — заметил Лавр, прихлёбывая коктейль, — и все жмутся в эту тесную, яркую Москву. А ведь подумайте — в какой-нибудь сотне километров от нас сплошные леса и никакого человеческого жилья.

— Так радоваться надо. Нам же больше нетронутой планеты достанется, — пожал плечами Мавр.

Затем они разместились переваривать ужин в креслах номера-люкс, и Мавр попросил Лавра рассказать немного о Москве и об особенностях российской культуры, которые его интересовали.

— Только условие — каждый ответ длиной в одно предложение. Я так лучше усваиваю, — попросил Мавр.

— Пожалуйста, — прикрыл глаза Лавр, сосредотачиваясь.

— Что такое ГЦОЛИФК, ГМЛПУЗ и ВНИИССОК?

— Этого не знают даже местные, но если зададите им этот вопрос, они поймут, что вы — шпион, и сообщат о вас куда следует.

— Кто более великий — Толстой или Достоевский?

— Смотря кто вы сегодня — оптимист или невротик.

— Как кабачки и баклажаны мечут икру?

— Этого смогли добиться как раз специалисты из ВНИИССОК.

— Вот ещё про еду. Сложный вопрос, не дающий мне покоя — в чём разница между халвой и халявой?

— Халву можно получить на халяву, а халяву на халву — нельзя.

— А почему жители России на улице не улыбаются?

— Иногда это просто судорога губ от мороза, — выдал Лавр, вспоминая первые ощущения после прилёта в Москву.

— Правильно ли я понимаю, что самое грязное ругательство — это слово «блат»?

— Правильно, если у вас нет блата, но вас обошёл тот, у кого блат был.

— А близко ли к Кремлю водятся бурые медведи?

— Примерно в двух с половиной километрах, — ответил Лавр.

— Надо же. А белые медведи?

— На пару метров дальше — у них соседние вольеры.

— Уяснил. Куда делись бояре?

— Никуда не делись — просто переоделись, — изрёк Лавр после раздумий.

— Ещё один исторический. Почему случилась Октябрьская революция?

— Волки убедили овец, что пастухи ведут паразитический образ жизни.

— А, они были из наших, — догадался Мавр. — И ещё один вопрос — почему в нашем пятизвёздочном отеле обычные чайники в номерах вместо большого русского самовара?

— Потому что иностранцы не найдут на самоваре кнопку подачи воды и лягут спать, не попив чая.

Удовлетворив любопытство, Мавр распрощался с Лавром и услышал вдогонку просьбу — подумать о самых тихих сценариях исчезновения изобретателей, какие только может придумать опытный человек. Мавр в ответ запросил подробное досье на основателей "Тенталиса" и, получив желаемый файл, довольно удалился читать на ночь глядя.

"Возможно, я по отношению к нему и несправедлив. Я в ведь теоретик в таких делах, а он практик. Пятнадцать лет держать под сапогом здоровый кусок Африки — это же надо иметь недюжинный талант, и талант руководителя в том числе. Сейчас он порешает в мгновение ока вопрос с похищением, а мне останется только забрать файлы и запустить информационную кампанию", — с надеждой подумал Лавр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.